

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт социального образования
Факультет международных отношений и социально-гуманитарных коммуникаций
Кафедра рекламы и связей с общественностью**

Эволюция российско-американских отношений в постбиполярном мире

ОП ВО «41.03.05 - Международные отношения»

Выпускная квалификационная работа

Выпускная квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой рекламы и связей с
общественностью

Исполнитель:
Кудрявцев Евгений Сергеевич,
студент 407 группы
очного отделения

дата

подпись

дата

А.В. Коротун,
канд. пед. наук, доцент

Руководитель ОП ВО:

А.В. Коротун,
канд. пед. наук, доцент

Научный руководитель:
Коротун Анна Валериановна
кандидат педагогических наук, доцент
кафедры рекламы и связей с
общественностью

дата

подпись

Екатеринбург 2017

Оглавление

	с.
Введение.....	3
Глава 1. Анализ развития российско-американских отношений в 1991-2017 г. теоретический аспект.....	6
1.1 Характеристика современной системы международных отношений...6	
1.2. Направления внешней политики России и США.....	24
1.3 Особенности российско-американских отношений: цивилизационный подход.....	41
Глава 2 Проблемы и перспективы взаимодействия России и США.....	56
2.1. Развитие российско-американских отношений.....	56
2.2. Сотрудничество России и США в рамках решения мировых проблем	
71	
2.3. Сотрудничество США и России до 2023 г. ситуационный анализ.....	80
Заключение.....	92
Список использованных источников литературы.....	95
Приложения.....	100

Введение

В настоящее время роль США и РФ в мировой политике возрастает и имеет свое особое место на арене современных международных отношений. Существует много международных проблем, которые способны решить только две державы.

Проблемы в отношениях между Россией и США до сих пор остаются. Специалистам по международным отношениям важно попытаться разобраться в этих спорных вопросах и попытаться найти решение данных проблем.

Актуальность изучения российско-американских отношений связана со многими факторами.

Во-первых, отношения между двумя странами за последние годы стремительно ухудшаются. Сегодняшнее положение дел заставляет задуматься над причинами происходящего и проанализировать ошибки прошлых решений.

Во-вторых, в рассматриваемый период с 1991 по 2015, отношения России и США имели кардинальные повороты как в позитивные стороны, так и негативные.

В-третьих, пытаясь найти решение проблем между государствами, стоит обратить внимание на опыт предыдущих лет. Благодаря этому, существует возможность предсказать дальнейшее развитие ситуации на международной арене и избежать возможных негативных последствий.

Актуальность изучения российско-американского взаимодействия предполагает реализацию следующих целей и задач.

Объектом исследования являются российско-американские отношения.

Предмет исследования. эволюция отношений России и США в постбиполярный период.

Хронологические рамки исследования. В рамках исследования рассматриваются события, происходившие между США и России и их союзниками в 1991-2015 гг.

Территориальные рамки исследования. Рассматриваются процессы на РФ, США и их союзников.

Степень изученности темы. При написании работы был привлечен достаточно широкий круг источников, которые, в свою очередь, можно подразделить на публикации официальных документов и выступлений, официальные сайты министерств и ведомств, доклады официальных лиц. Для полноты исследования и сравнения были использованы официальные документы.

Российский научный фонд (с 1993 года Московский общественный научный фонд – МОНФ) и Российским общественно-политическим центром (РОПЦ) опубликовали обобщение этих дискуссий в двух работах: «Россия и Америка: российская внешнеполитическая мысль о российско-американских отношениях», 1992 (в соавторстве с В.И. Батюком) и «А ты готов постоять за Россию? Российские консерваторы о государственном устройстве России», 1993.

Можно выделить труды Бинеконоского Л. Б. Он описывал проблему взаимопонимания России и США и российский лоббизм. О ситуации во время чеченской войны писал Дагоев В. В. российский политолог и историк.

Таким, образом, сегодня существует довольно обширная литература, посвященная анализу различных аспектов внешней политической процессов между Россией и США и приоритетов развития. Вместе с тем, в настоящее время все еще мало работ, посвященных комплексному осмыслению перспективы развития и определении проблеме в условиях постбиполярной системы международных отношений.

Цель: выявить особенности внешней политики России и США в постбиполярный период, а также определить проблемы сотрудничества и

проанализировать перспективы развития российско-американских отношений до 2023 года.

Реализация цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Охарактеризовать современную систему международных отношений.
2. Изучить направления внешней политики России и США.
3. Рассмотреть особенности российско-американских отношений.
4. Проанализировать развитие российско-американский отношений.
5. Описать сотрудничество России и США в рамках решения мировых проблем.
6. Спрогнозировать сотрудничество России и США до 2023 года.

Источниковую базу исследования представляют: статьи Т.Д. Шаклеина «Россия и США в новом мировом порядке», И.Г. Зевелева «Россия и США в начале нового века»; публикации в журналах: The Times, Bild, а также книги различных авторов, научные исследования и статьи специалистов по международным отношениям, статьи из журналов, интернет изданий, информационных порталов и высказывания различных лидеров и политиков.

Методы исследования. Основой исследования являются общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение причинно-следственный анализ и аналогия). При написании эмпирической части работы был использован метод прогнозирования, описания, ситуационного анализа.

Описание структуры ВКР: работа состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения, списка литературы и использованных источников, а также приложений.

Глава 1. Анализ развития российско-американских отношений в 1991-2017 г. теоретический аспект

1.1. Характеристика современной системы международных отношений

Термин международные отношения можно трактовать по-разному. По Цыганкову, международные отношения – это совокупность экономических, политических, идеологических, правовых, дипломатических и иных связей и взаимоотношений между государствами и системами государств, между основными социальными, экономическими, политическими силами, организациями и общественными движениями, действующими на мировой арене, т.е. между народами в самом широком смысле этого слова»

По учебнику курса международного права, международные отношения – как отношения «между государствами и негосударственными организациями, между партиями, компаниями, частными лицами разных государств...»

Международные отношения можно пометить как комплекс всевозможных политических, экономических, социальных и экологических взаимосвязей между независимыми государствами, международными организациями, неправительственными организациями, международными объединениями и публичными учреждениями на глобальном, областном или международном уровнях [Рыжов И. М., 2014, с. 36].

Изучив несколько определений понятия международные отношения, можно сделать вывод, что единого и общепринятого мнения по данному термину не существует.

Такую ситуацию можно объяснить тем, что международные отношения как наука, довольно молодая и до конца не изученная, а также что разносторонность изучения, не дают прийти специалистам и экспертам к общему мнению. Параллельно с течением истории, развивается и наука о международных отношениях.

Первоначальная просветительная платформа по международным отношениям возникла в 1919 году в университете Aberystwyth в Великобритании для исследования первопричин начала губительной Первой мировой войны.

Международные отношения подразумевают избыток квалификаций в самых различных областях, положим, в международной безопасности, в политической экономии, в переговорном движении, в исследовательских работах и т.д.

Всеобщий план и кардинальность проистекающих в наши дни перемен в общественно-политической, экономической, духовной сферах существования мирового сообщества, в среде военной безопасности дают возможность выдвинуть догадку о развитии новой системы международных отношений, непохожей от тех, которые действовали на протяжении завершающегося века, а во многом и начиная с классической Вестфальской режима.

Признается, что фактически интернациональные (межгосударственные) взаимоотношения появились во время развития национальных держав на сравнительно расплывчатом пространстве Римской империи. За начало отсчета воспринимается окончание «тридцатилетней войны» в Европе и заключение Вестфальского мира в 1648 г. С того периода вся 350-летняя эпоха международных отношений вплоть до наших дней рассматривается почти всеми, преимущественно западными учеными, как хроника целой Вестфальской системы международных отношений. Преобладающими лицами этой системы считаются независимые страны. В системе отсутствует главенствующий арбитр, оттого страны суверенны в проведении внутренней политики в границах своих национальных линий и в принципе равны. Независимость подразумевает нейтралитет в процессы друг друга. Со временем страны сформировали обоснованный на этих началах свод законов, стабилизирующих международные отношения, – международное право.

Большая часть экспертов сходится во мировоззрении, что ведущей двигающей массой Вестфальской системы международных отношений было состязание между странами: одни рвались приумножить собственное давление, а другие – не дать возможность этого. Столкновения среди стран складывались по такому образу, что национальные действия, воспринимаемые как актуально необходимые одними странами, входили в разногласие с государственными интересами остальных стран. Результат данного соревнования, обычно, складывался балансом сил между странами или альянсами, в которые они входили для осуществления собственных политических целей. Формирование баланса, или равновесия, обозначало стадию устойчивых мирных взаимоотношений, развал равновесия сил в последствии вело к войне и возобновлению его в новоиспеченной конфигурации, воссоздающей укрепление воздействия одних стран за счет других. Эту концепцию для наглядности и, соответственно, с большой долей сокращения проводят параллель с перемещением бильярдных шаров. Страны сталкиваются друг с другом, создавая обменивающиеся фигуры, и затем передвигаются снова в нескончаемом поединке за власть или сохранность мира. Главное правило при этом – личная выгода. Доминирующий критерий – сила [Панцеров К. А., 2016, с. 215].

Разные представители различных теоретических течений используют понятие системы в различных направлениях наук в сфере международных отношений. Понятие системы позволяет найти закономерности и выработать правила в взаимоотношениях между странами. Сам термин система означает соединение, составленное из частей.

Принято считать общее понятие: Система – это совокупность элементов или отношений, закономерно связанных друг с другом в единое целое, которое обладает свойствами, отсутствующими у элементов или отношений их образующих. М. Сетров так трактует данное понятие: «Система есть объект, целостность которого обеспечивается совокупностью

связей и отношений между группами элементов, объединенных развернутыми в пространстве и во времени структурам».

Международные отношения представляют собой систему, которая основывается на различных договорах и соглашениях, устанавливающие правила взаимодействия между государствами. Эксперты определяют систему международных отношений как совокупность различных элементов, между которыми существуют различные связи, и отношения.

Специалисты в области международных отношениях выделяют пять систем международных отношений:

- Вестфальская система международных отношений (1648 - 1814 гг.)
- Венская система международных отношений (1814 – 1915 гг.)
- Версальско-Вашингтонская система международных отношений (1919 - 1945 гг.)
- Ялтинско - Подстадамская система международных отношений (1945 - 1991 гг.)
- Современная система международных отношений (1991 – по настоящее время)

Последняя система, которая действует по настоящее время образовалась после распада Советского Союза. Данная система также имеет второе название «постбиполярная».

Отличительная черта системы состоит в том, что она сформировалась не в результате общего военного конфликта и заключения мирного договора, а в ходе неких исторических изменений. Это говорит о том, что отсутствует юридически закреплённая международными договорами нормативно-правовая база и единообразие в трактовках устоявшихся международно-правовых договоров. В результате, современная система характеризуется изменчивостью и высокой степенью неустойчивости.

Разрушение Советского Союза привело к грандиозным шагам в балансе сил на всемирной арене. Отмечается, что при этом разрушение биполярной системы обладало отличиями от краха предыдущих систем международных

отношений. Во-первых, "Лагерь мира и социализма" не был разбит по результатам мировой войны. Он сам прервал свое присутствие во имя присоединения к противоположащему, западному, лагерю. Во-вторых, разрушение двухполярного режима и учреждение новой системы международных отношений не были классифицированы в ходе какого-либо внушительного международного форума (наподобие Венского конгресса 1814 - 1815 годов или Потсдамской конференции 1945 года). США хотели уберечь независимость своих действий на международной арене по взаимоотношению как к прежним противникам в «холодной войне», так и к личным идейным и военно-политическим единомышленникам [Гарусова Л. Н., 2010, с. 182].

Постбиполярная система – это система международных отношений, образованная после распада СССР и развала социалистического лагеря как действующего полюса международных отношений в противовес капиталистическому лагерю. Правопреемницей сверхдержавы СССР стала, разумеется, Россия, получив большую часть ядерной мощи и экономического потенциала Советского Союза. Новая Россия, с ее слабой и, встающей на путь нового развития, экономикой, не могла противопоставить ничего мощной и развитой на тот момент системе США.

О. Арин справедливо отмечает, что на рубеже 1980-х – 1990-х годов, когда двухполярная система выступала к логичному окончанию собственного существования, никто не задумался о надобности договорно-правового оформления новой постбиполярной реальности. Экономическое, военное и идеологическое преимущество США и Запада на рубеже веков казалось непоколебимым. Крупнейшая экономика мира являлась главным источником мирового технического прогресса: в начале XXI века на США приходилось 35,8% мировых расходов на производство новых технологий.

Одна из главных усилий дать теоретическое доказательство связанных с окончанием «холодной войны» перемен была предпринята еще на рубеже 80-90-х годов XX в. американским ученым и дипломатом Фрэнсисом

Фукуямой. В нашедшей работе «Конец истории» он выдвинул тезис о полном разрешении лежавшего в основе «холодной войны» конфликта двух идеологий – либеральной демократии и коммунизма. Коммунизм потерпел поражение, и открылись перспективы для торжества принципов либеральной демократии во всем мире. Следовательно, по мнению политолога, наступил «конец истории», т.е. состояние бесконфликтности. Точка зрения Ф. Фукуямы подверглась критике как идеалистическая и упрощенная. Действительно, прошедшие после окончания «холодной войны» годы не дают основания для того чрезмерного оптимизма, которым наполнена работа американского ученого, оптимизма, навеянного эйфорией конца 1980-х годов.

Позже и сам Ф. Фукуяма отказался от подобного оптимизма относительно перспектив мирового общественного развития. Но у него были и остаются сторонники, которые полагают: если «конец истории» и не состоялся, то он возможен в будущем, пусть и отдаленном. По сути, именно в таком плане толкуют перспективы развития человечества неолиберальные концепции глобализации [Фукуяма Ф., 2006, с. 328].

Следующим исследователем, предпринявшим попытку дать характеристику современной системы был С. Хантингтон. Его концепция вызвала среди политиков и ученых многолетнюю дискуссию, отголоски которой дают о себе знать вплоть до сегодняшнего дня. Начало этой дискуссии положила статья «Столкновение цивилизаций», опубликованная в 1993 г. в американском внешнеполитическом журнале «Форин афферс». Концепция С. Хантингтона в общих чертах сводится к следующим положениям. На различных этапах истории международных отношений динамику мировой политики определяли конфликты различного типа. Сначала это были конфликты между монархами. После победы в 1917 г. русской революции, мир раскололся по идейному и социально-политическому принципу. При этом, по позиции С. Хантингтона, все эти типы столкновения были конфликтами среди западной цивилизации. «С завершением “холодной войны”, – говорит политолог, – идет к концу и

западная фаза становления международной политики. В центр выставляется согласование между Западом и незападными цивилизациями».

Для каждой цивилизации типично присутствие отдельных беспристрастных свойств: общности истории, религии, языка, обычаев, качеств функционирования общественных институтов, а также субъективной самоидентификации личности. Делая упор на работы А. Тойнби и иных ученых, С. Хантингтон акцентирует восемь цивилизаций: западно-христианскую и православно-христианскую, исламскую, конфуцианскую, латиноамериканскую, индуистскую, японскую и африканскую. С его точки зрения, цивилизационный фактор в международных отношениях будет безостановочно увеличиваться.

Влияние цивилизационного фактора на мировую политику после завершения «холодной войны» С. Хантингтон видит в появлении «синдрома братских стран». Этот синдром содержится в ориентации государств во взаимосвязях между собой уже не на единство идеологии и политической системы, а на цивилизационное единство. Кроме этого, в качестве образца реальности цивилизационных различий он указывает на то, что основные конфликты последних лет происходят на линиях разлома между цивилизациями – там, где проходит граница соприкосновения цивилизационных полей (Балканы, Кавказ, Ближний Восток и т.д.) [Задонский С. М., 2002, с. 47].

Прогнозируя будущее, С. Хантингтон приходит к выводу о неизбежности конфликта между западной и незападными цивилизациями, причем главную опасность для Запада может представлять конфуцианско-исламский блок - гипотетическая коалиция Китая с Ираном и рядом арабских и иных исламских государств.

Среди прочего, американский политолог призывает обратить внимание на так называемые «расколотые страны», где правительства имеют прозападную ориентацию, но традиции, культура и история этих стран ничего общего с Западом не имеют. К таким странам Хантингтон относит

Турцию, Мексику и Россию. От внешнеполитической ориентации последней в значительной степени будет зависеть характер международных отношений обозримого будущего. Поэтому С. Хантингтон особо подчеркивает, что интересы Запада требуют расширения и поддержания сотрудничества с Россией [Кремнев П. П., 2005, с. 76].

Обострение в конце XX в. давнего конфликта между христианской и мусульманской цивилизациями, по мнению Хантингтона, обусловлено пятью факторами:

1) рост мусульманского народонаселения привел к всплеску безработицы и недовольству молодежи, примыкающей к исламским движениям и мигрирующей на Запад;

2) возрождение ислама дало мусульманам возможность вновь поверить в особый характер и особую миссию своей цивилизации и своих ценностей;

3) острое недовольство среди мусульман вызвали усилия Запада по обеспечению универсализации своих ценностей и институтов, по сохранению своего военного и экономического превосходства наряду с попытками вмешательства в конфликты в мусульманском мире;

4) крушение коммунизма привело к исчезновению общего врага, имевшегося у Запада и у ислама, в результате чего главную угрозу они стали видеть друг в друге;

5) все более тесные контакты между мусульманами и представителями Запада заставляют и тех, и других переосмысливать свою самобытность и характер своего отличия от других, обостряют вопрос об ограничении прав представителей меньшинств в тех странах, большинство жителей которых относится к другой цивилизации.

Всплеск активности исламского терроризма в начале XXI в. вновь вызвал интерес к концепции «столкновения цивилизаций». Однако сам Хантингтон после 11 сентября 2001 г. пытался дезавуировать собственные тезисы о противостоянии западно-христианской и исламской цивилизаций. Скорее всего, он сделал это из соображений политкорректности.

Споры вокруг идей С. Хантингтона продолжают и после его смерти в 2008 г. Одни ученые и политики, опираясь на эти идеи, объясняют многие происходящие в мировой политике процессы. Другие, напротив, считают, что реальная практика международных отношений не соответствует положениям концепции «столкновения цивилизаций».

Для полноты картины приведем еще один прогноз развития современной системы международных отношений известного американского социолога Иммануила Валлерстайна. Его внешнеполитическая концепция часто определяется как немарксистская.

Такая характеристика справедлива лишь в том отношении, что, подобно К. Марксу, И. Валлерстайн видит главную детерминанту политики, в данном случае международной, в экономике. В своей основе международные отношения, по Валлерстайну, есть, прежде всего, отношения экономические. Главная категория его анализа – «современная мир-система», не сводимая к отдельным государствам. Объединяет эту современную мир-систему единая капиталистическая мир-экономика. Каждое государство занимает в «мир-системе» определенное место, изменить которое чрезвычайно трудно, а подчас просто невозможно.

Логика капиталистической мир-экономики неизбежно воспроизводит деление стран мира на «ядро» и «периферию», причем первое всегда находится в привилегированном положении по отношению ко второй. Государства, входящие в состав ядра капиталистической мир-системы, имеют возможность жить за счет эксплуатации периферии. Такой порядок не изменится никогда, поскольку он вытекает из самой сущности мир-экономики. Помимо государств, входящих в состав ядра или периферии, существуют еще и полупериферийные государства. Эти государства не входят в состав ядра мир-системы, но и не относятся целиком к периферии.

Оценки, которые дал Валлерстайн «холодной войне» и ее итогам, а также перспективам развития международных отношений после ее окончания, весьма оригинальны и даже экстравагантны, они резко расходятся

с общепринятыми оценками. Валлерстайн считал, что пик могущества США пришелся на 1945 г., когда эта страна вышла из второй мировой войны в качестве мирового экономического и политического лидера. Соединенные Штаты оказались единственным государством в рамках ядра мир-системы, избежавшим разрушений и других негативных последствий войны. Напротив, эта страна нарастила свой промышленно-экономический потенциал [Ачкасов В. А., 2011, с. 147].

Отрицая биполярный характер системы международных отношений в прошлом, И. Валлерстайн, снова противореча общепризнанным представлениям, предполагает возможность появления биполярности в будущем, после окончания «холодной войны». Это обусловлено процессами, которые разворачиваются во всей мир-системе.

Политолог предполагает, что нестабильными будут отношения внутри ядра мир-системы. Валлерстайн не исключал, что постепенно будет нарастать противостояние между двумя основными центрами капиталистической мир-экономики: США и Западной Европой. На фоне этого противостояния, по его мнению, усилятся роль крупных полупериферийных стран, к которым он в первую очередь относил Китай и Россию.

Обозримое будущее, по крайней мере, до середины XXI в., Валлерстайн видит в мрачных тонах: конфликты, кризисы на периферии и в центре мир-системы неизбежны, пока существует капиталистическая мир-экономика. Неомарксизм в лице Валлерстайна далек от социального оптимизма, который был характерен для К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина. Но у Валлерстайна можно найти суждения и выводы, схожие с классическим марксизмом. Так, он сохраняет веру в возможность революционного переустройства мира, правда, относя ее на неопределенно далекое будущее и обуславливая такую возможность появлением новых антисистемных сил, способных бросить вызов господствующей капиталистической мир-экономике.

Сравнивая работы трех исследователей в области международных отношений, стоит выделить, что все эти эксперты рассматривают современную систему международных отношений в трех различных парадигмах. С. Хантингтон разбирает с позиции реализма, Ф. Фукуяма неолиберализма, И. Валлерстайн неомарксизм. У каждого есть своя точка зрения на дальнейшее развитие международной системы, но все едины во мнении, что США является единственным лидером в мире. Итогом данных работ, можно назвать, то что любой конфликт или проблему, которые они выделили, можно объединить и трактовать через парадигму международных отношений.

С середины 2000-х гг., многие аналитики все более настойчиво подчеркивают неприемлемость однополярной системы управления международными процессами для многих влиятельных субъектов мировой политики. Так, один из наиболее авторитетных российских теоретиков-международников М. А. Хрусталева писал, что «американская мировая гегемония» – явление сугубо авторитарное, хотя и маскируемое ссылками на общечеловеческие ценности (включая, естественно, демократию). Эта авторитарная тенденция, предполагающая утверждение США в качестве центра управления системой международных отношений, неизбежно ведет к отрицанию самой идеи регулирования, а, следовательно, и всего того, что было сделано в этом плане ранее. Курс на установление американской мировой гегемонии («новый мировой порядок») встречает как пассивное, так и активное сопротивление других субъектов международных отношений. Оно все чаще побуждает правящие круги США прибегать к вооруженному насилию, игнорируя нормы международного права и действуя в обход ООН [Макаров Д. В., 2006, с. 232].

Это активное и пассивное сопротивление не случайно. Строгая иерархия мира во главе с США приводит к запутанной ситуации, когда малые государства из числа официальных союзников США играют куда большую роль в системе международных отношений, чем такие мощные государства,

как Индия, Китай или Россия, у которых отсутствуют институционализированные военно-политические связи с Соединенными Штатами. Вместе с тем нелегко представить ситуацию, когда Россия смирится с тем, что у Эстонии, например, более весомый, чем у нее, голос в решении проблем европейской безопасности. Соответственно, вряд ли стоит ожидать, что КНР и Россия смогли бы быть согласны с гегемонией США.

Анализ любой системы международных отношений подразумевает оценку степени ее устойчивости – как к изменениям во внешней среде (для системы международных отношений таковой является совокупность всех трансграничных транзакций), так и к антисистемным действиям со стороны активных участников системы. Оценивая степень устойчивости нынешней СМО, многие исследователи указывают на якобы присущую ей высокую степень конфликтогенности.

Так, по мнению президента американского Совета по международным отношениям Р. Хаасса, на смену однополярному пришел бесполюсный мир, в котором доминируют не только и не столько великие державы, сколько негосударственные игроки, включая племенные ополчения, международные организации, средства массовой информации и транснациональные корпорации. И этот мир, полагает хаос, будет практически неуправляемым [Матвиенко Е. А., 2013, с. 117].

Многие исследователи в области МО, которые исходят из того, что на смену однополярному придет не бесполюсный, а многополярный мир, также высказывают опасения относительно его повышенной конфликтогенности. По словам российского исследователя В. М. Кулагина, "рассуждения о "многополюсности" вызывают ассоциации с перспективой обострения конфликтности между крупными державами и усилением подчиненности средних и малых государств "полюсам" силы. Угадываются контуры новых противостоящих блоков, неспособных совместно противостоять даже общим угрозам".

Для полноценной характеристики постбиполярной системы международных отношений разграничены этапы развития постбиполярного мира:

1. Однополярная полицентричность (1991 – 2001 гг).

Соединенные Штаты Америки занимают главенствующую позицию в мире. Они диктуют свои правила игры всему мировому сообществу, в том числе России и всем Европейским государствам. Продолжилось расширение НАТО на восток под контролем и активном давлением США. В альянс вступили уже бывшие страны Организации Варшавского Договора, например, Чехия и Словакия.

Главенствующей целью НАТО стало размещение войск рядом с границами Российской Федерации, как, по их мнению, причиной данного поступка стали, подавить имперские амбиции. Почти сразу в НАТО вступили страны Балтии, тем самым было существенно ослаблено влияние России в данном регионе.

Огромное значение также имело идеологическое лидерство стран Запада. В теоретических конструкциях главарей новой системы международных отношений "баланс сил" был заменен "балансом интересов" на основе признания всеми субъектами международных отношений общечеловеческих ценностей [Морозов И. Л., 2013, с. 235].

После распада биполярной системы было сделано немало предсказаний относительно прочности и долговечности однополярного мира с Соединенными Штатами во главе. Обосновывая этот тезис, специалисты-международники указывали, в частности, на преобладающую американскую мощь, которую ни в каком обозримом будущем не смогут уравновесить ни другие державы, ни даже гипотетические антиамериканские коалиции великих держав, и на нежелание ведущих субъектов международных отношений бросать вызов США ввиду их заинтересованности в сохранении тех международных институтов и режимов, которые были созданы при решающем американском участии.

СНГ, которая должна была заменить СССР в качестве экономического союза для постсоветских государств. Планировалось, что СНГ поможет странам адаптироваться к новым реалиям. Одной из главнейших целей была, сплотить бывшие социалистические республики и не дать возможность НАТО распространить свое влияние дальше, но она так и не стала серьезным и влиятельным актором международных отношений. В ходе различных событий содружество независимых государств оказалось недееспособным и имело лишь формальный статус. Большая часть торгово-экономического оборота между участниками проходили в других организациях, таких как ЕАЭС, Таможенный союз и т.д.

2. Конец однополярности США (2001-2010 гг)

По общему признанию большинства отечественных и зарубежных экспертов-международников, именно теракты 11 сентября 2001 года в США и последующие военные операции США и их союзников в Афганистане и Ираке явились водоразделом в мировой политике и мощнейшим катализатором крушения Вестфальской системы и формирования контуров нового мирового порядка.

1. Потребовалось гораздо больше времени, чтобы им на смену пришли новые сущности – институты, модели внешнеполитического поведения, принципы самоидентификации, структурирование международно-политического пространства или его отдельных сегментов. Постепенное становление новых элементов в 1990-х и 2000-х годах нередко сопровождалось серьезными турбулентностями. Этот процесс составляет содержание следующей фазы переходного периода. Она включает в себя целый ряд событий и явлений, наиболее важными из которых представляются следующие.

В бывшем социалистическом лагере в центре развернувшихся изменений находится демонтаж Ялтинской системы, который происходит относительно быстро, но все же не одномоментно. Формального прекращения деятельности ОВД и СЭВ было для этого недостаточно. В

обширном сегменте международно-политического пространства, который составляют бывшие участники социалистического лагеря, необходимо, по сути дела, создать новую инфраструктуру взаимоотношений как между странами региона, так и с внешним миром. Постепенно выясняется, что страны региона не горят желанием провозгласить нейтралитет или превратиться в «мост» между Россией и Западом. Что они сами стремятся стать частью Запада. Что они готовы сделать это на институциональном уровне, вступив в ЗЕС, НАТО, ЕС. И что они будут этого добиваться даже вопреки противодействию России.

В переходный период возникает первая острая проблемная ситуация в отношениях Москвы как с западными странами, так и с бывшими восточноевропейскими союзниками. Таковой стала линия на включение последних в НАТО. В НАТО сокращаются масштабы военных приготовлений и одновременно начинается трудный процесс поиска новой идентичности и новых задач в условиях, когда исчезла главная причина возникновения альянса – «угроза с Востока». Символом переходного периода для НАТО стала подготовка новой Стратегической концепции альянса, которая была принята в 2010 г. [Патрушев Н. П., 2014, с. 127].

Расширение ЕС также вызывает политический дискомфорт в России – хотя и выраженный в гораздо более мягкой форме. В ЕС переход в новое качество планировался с принятием «конституции для Европы» (2004 г.), однако этот проект не получил одобрения на референдуме во Франции (а затем и в Нидерландах) и потребовал кропотливой работы по подготовке ее «сокращенного» варианта (Договор о реформе, или Лиссабонский договор, 2007 г.). В качестве своего рода компенсации произошло значительное продвижение в направлении создания собственного потенциала ЕС по решению задач кризисного регулирования. В целом переходный период для ЕС оказался насыщенным крайне серьезными переменами, главными из которых стали: а) увеличение в два с половиной раза количества участников этой структуры (с 12 почти до трех десятков) и б) распространение

интеграционного взаимодействия на сферу внешней политики и политики безопасности.

2. Россия должна была пройти как через преодоление болезненного синдрома «исторического отступления», так и через фазу «внешнеполитического сосредоточения». Колоссальную роль сыграли грамотное выведение страны из дефолта 1998 г., а затем исключительно благоприятная конъюнктура на мировых рынках энергоносителей. К середине 2000-х годов Россия начинает все чаще демонстрировать наступательный активизм в сфере взаимоотношений с внешним миром. Его проявлением стали энергичные усилия на украинском направлении (с целью отыграть потери, которые Москва усматривала в «оранжевой революции» 2004 г.), а также – и даже еще более отчетливым образом – грузино-осетинский конфликт 2008 г.

3. Завершающая фаза формирования постбиполярности (2010 – 2014).

Здесь нужно зафиксировать основные черты существовавшей в мире до 2014 года постбиполярности, охарактеризовать их:

1. Отсутствие четкого центра силы. Однополярный мир, основанный на безраздельном господстве США в мире, по крайней мере, в первую половину XXI века, не может обеспечить ни международную безопасность, ни национальную безопасность даже самих США. Концепция многополюсного мира также не может быть прочной конструкцией нового мирового порядка: сентябрьские 2001 года теракты показали не только, что ни один полюс силы не в состоянии защитить себя в одиночку, но и то, что все они одновременно и в одинаковой степени уязвимы. В международной системе произошло (и продолжает происходить) перераспределение удельного веса между различными существующими и возникающими центрами влияния – в частности, в том, что касается их способности оказывать воздействие на другие государства и на внешний мир в целом. К «традиционным» полюсам (страны ЕС/ОЭСР, а также Россия), в динамике развития, которых есть

немало неопределенностей, добавляется ряд наиболее успешных государств Азии и Латинской Америки, а также ЮАР. Все более заметно присутствие на международно-политической арене исламского мира (хотя по причине весьма проблематичной его дееспособности как некоей целостности вряд ли в данном случае можно говорить о «полюсе» или «центре силы»). Геополитически центр тяжести международной системы смещается в направлении Восток/Азия. Именно в этом ареале находятся самые мощные и энергично развивающиеся новые центры влияния. Именно сюда переключается внимание глобальных экономических акторов, которых привлекают растущие рынки, впечатляющая динамика хозяйственного роста, высокая энергетика человеческого капитала. Вместе с тем именно здесь существуют наиболее острые проблемные ситуации (очаги терроризма, этноконфессиональные конфликты, ядерное распространение) [Подцероб А. Б., 2015, с. 98].

2. Очевидна главная роль в структурировании международной системы крупнейших государств, образующих ее верхний уровень. За неформальное право войти в состав ядра международно-политической системы конкурируют между собой 10-15 государств. Расширение их круга за счет стран, которые в предыдущем состоянии международной системы располагались достаточно далеко от ее центра (Китай и Индия).

3. При относительном ослаблении позиций США сохраняются их огромные возможности влияния на международную жизнь. Роль этого государства в мировой экономике, финансах, торговле, науке, информатике уникальна и будет оставаться таковой на обозримую перспективу. По размерам и качеству своего военного потенциала оно не имеет себе равных в мире (если абстрагироваться от российского ресурса в области стратегических ядерных сил).

4. Глобализация со своими плюсами и минусами. (Среди плюсов – коллективная борьба с общими проблемами):

- преодоление бедности, борьба с голодом,

- содействие социально-экономическому развитию наиболее отсталых стран и народов;
- поддержание экологического и климатического баланса,
- минимизация негативных воздействий на среду обитания человечества и биосферу в целом; – решение крупнейших глобальных проблем в области экономики, науки, культуры, здравоохранения;
- предупреждение и минимизация последствий природных и техногенных катастроф,
- организация спасательных операций (в том числе по гуманитарным основаниям);
- борьба с терроризмом, международной преступностью и другими проявлениями деструктивной активности;
- организация порядка на территориях, утративших политико-административную управляемость и оказавшихся во власти анархии, угрожающей международному миру.

5. Фаза изменений и начала многополюсности (2014 – наше время)

2014 г. можно назвать поворотным для внешней политики России. В связи с украинскими событиями она окончательно отказалась от следования в фарватере Запада и вступила с ним в конфронтацию. Это фактически означало коренное изменение внешнеполитического курса Москвы, проводившегося с 1991 г. Хотя 1991 – 2014 гг. знали различные периоды как близкого сотрудничества, так и разногласий с Западом, Россия в конце концов всегда шла на стратегические уступки. Сегодня такие уступки маловероятны, возможны лишь тактические договоренности. Это вызвано окончательной потерей доверия РФ к США и Европе как к политическим и экономическим партнерам и пониманием, что дружественные отношения с ними без полного подчинения их правилам установить не удастся. В связи с этим Москва начала реальный, а не только словесный (как это было до украинского кризиса) поворот к незападному миру [Рудалев А. М., 2014, с. 200].

Таким образом, сформировалась система международных отношений, постоянно изменяющая свои параметры, трансформирующаяся и по сей день. Для этой системы характерны: глобализация, стирание национальности – растёт влияние наднационального образования Евросоюз, к примеру. Процессы глобализации seriously уменьшают значение национального суверенитета. Сверхдержавы в настоящее время не являются приоритетными гегемонами в мировом порядке – США больше не может контролировать Ближний Восток, например, в котором сейчас повышается влияние России благодаря борьбе с Исламским Государством. Также экономический потенциал Китая создает массу проблем для всей экономики США и в частности господства доллара.

1.2. Направления внешней политики России и США

Для начала необходимо дать определение внешней политики и внешнеполитической доктрины. Внешняя политика это – взаимоотношение с другими странами в интересах собственной страны; общий курс государства в международных делах. Внешняя политика регулирует отношения данного государства с другими государствами и народами в соответствии с его принципами и целями, достигаемыми применением различных средств и методов. Также данный термин можно трактовать как разновидность политики, регулирующая отношения государства с другими государствами и народами, которые обеспечивают реализацию его потребностей на международной арене. Сущность внешней политики состоит в способности государства отстаивать национальные интересы.

Внешнеполитическая доктрина – принятая в том или ином государстве система взглядов на цели, задачи и характер внешнеполитической деятельности, а также на способы её реализации и обеспечения. Во внешнеполитических доктринах выделяются те главные вопросы, на которые в данный момент делается основной акцент в международных делах

соответствующим [государством](#). Внешнеполитические доктрины призваны определять принципы действия той или иной страны в международных делах. Они обычно связаны с [военными \(военно-политическими\) доктринами](#).

Проанализировав доктрину внешней политики России подчеркиваем значимость направлений России и США некоторыми аспектами из доктрины, касающиеся взаимоотношений двух стран.

Собравшиеся в ходе последней четверти столетия системные проблемы в Евро-Атлантическом регионе, проявившиеся в осуществляемой Организацией Североатлантического договора (НАТО) и Европейским союзом (ЕС) геополитической экспансии при уклонении начать осуществлять политических положений о создании общеевропейской системы безопасности и сотрудничества, побудили серьезный кризис в взаимоотношениях между Россией и странами Запада. прокладываемую США и их союзниками тенденцию на смирение России, оказание на нее политического, экономического, информационного и иного силы подрывает региональную и глобальную устойчивость, причиняет урон долговременным интересам всех сторон, возражает растущей в сегодняшних обстоятельствах необходимости в сотрудничестве и противодействии международным вызовам и угрозам [Тренин Д. В., 2016, с. 7].

Российская Федерация заинтересована в выстраивании обоюдовыгодных связей с Соединенными Штатами Америки, принимая во внимание особенную важность обоих государств за всемирную стратегическую устойчивость и состояние транснациональной безопасности в целом, а также присутствие немаловажного возможности торгово-инвестиционного, научно-технического и прочего партнерства. Россия отталкивается от того, что поступательное и прогнозируемое продвижение разговора с США как по вопросам двусторонних взаимоотношений, так и по вопросам всемирной значимости возможно только на основе равенства, общего почтения интересов и нейтралитета во внутренние дела друг друга.

Россия не принимает экстерриториального исполнения США своей юрисдикции вне границ международного права, не приемлет попыток оказания военного, политического, экономического или иного давления и сохраняет за собой право резко отвечать на недружественные поступки, в том числе посредством укрепления национальной обороны и принятия отражающих или асимметричных действий.

Россия выступает за конструктивную совместную работу с США в области контроля вооружений при неотъемлемом учете неразрывной взаимосвязи между стратегическим наступательным и оборонительным оружием, императивности придания движению ядерной демилитаризации разностороннего характера. Российская Федерация исходит из того, что диалог о будущих уменьшениях стратегических наступательных вооружений достижимы только с учетом всех без исключения условий, воздействующих на всемирную стратегическую устойчивость. Россия оценивает формирование глобальной системы противоракетной обороны США как угрозу своей национальной безопасности и сохраняет за собой возможность принятия соответственных встречных мер.

Россия ждёт, что США в своих поступках на всемирной арене станут строго исполнять установления международного права, прежде всего закрепленные в Уставе ООН [Чарап С. М., 2013, с. 173].

Россия несомненно будет создавать связи с НАТО с учетом уровня готовности организации к равному партнерству, безусловному соблюдению принципов и норм международного права, истинным шагам по установлению единого пространства мира, защищенности и устойчивости в Евро-Атлантическом регионе на началах обоюдного доверия, транспарентности и предсказуемости, исполнению всеми его участниками принятого на себя в рамках Совета Россия - НАТО обязательства по обеспечению собственной безопасности за счет сохранности иных государств, а также обязательств по военной сдержанности в соответствии с Основопологающим актом о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской

Федерацией и Организацией Североатлантического договора от 27 мая 1997 г. Российская Федерация негативно относится к расширению НАТО, приближению военной инфраструктуры альянса к российским границам и наращиванию его военной активности в приграничных с Россией регионах как к действиям, нарушающим принцип равной и неделимой безопасности и ведущим к углублению старых и появлению новых разделительных линий в Европе.

Игорь Крючков по данной внешнеполитической концепции подытожил основные направления, связанные с внешней политикой США и России.

«Россия не принимает экстерриториального исполнения США собственной юрисдикции вне границ международного права, не приемлет усилий оказания военного, политического, экономического или иного давления, – гласит текст концепции. И сохраняет за собой возможность резко реагировать на недружественные воздействия, в том числе путем закрепления государственной обороны и принятия зеркальных или асимметричных мер».

Наиболее сурово звучит последний ответ РФ на усовершенствование американской системы ПРО в Европе.

Внешнеполитическая идея 2013 года заявляла, что Москва будет методично настаивать на предоставлении законных гарантий ее не направленности против России. В документе 2016 года сказано, что ничем не ограниченное усиление противоракетной обороны страны или группы государств» подрывает стратегическую устойчивость и международную стабильность [Петрович-Белкин О. М., 2014, с 195].

Сотрудничество между НАТО и Россией было отложено и заморожено на неопределенный срок после происшествий в Крыму в 2014 году. В 2016 году Североатлантический союз расположил свои войска в Прибалтике по причине встречных мер на российское военное нарастание. Новая концепция РФ, кстати, акцентирует сотрудничество со странами Северной Европы – в том числе странами Балтии – в раздельное региональное течение. Кроме того, документ дает соответствующее странам ЕС, которые не входят в блок НАТО.

Твердая речь в адрес США и их партнеров по НАТО в рамках новой концепции не сходится с положениями Владимира Путина. 1 декабря, незадолго до публикации документа Путин во время обращения к Федеральному собранию РФ отправил мирный сигнал Западу.

«Мы не хотим противостояния, оно нам не нужно. Оно не нужно и международному сообществу, – заявил президент. – В отличие от некоторых противников, мы не ищем врагов. Нам нужны друзья» [Путин В. В., 2017, с. 3].

«Тут необходимо отличать. Во внешнеполитической концепции разговор идет о сдерживании, но в контексте американской администрации во главе с Баракком Обамой. «При нем США совершили много рискованных шагов», – говорит Владимир Евсеев, ученый секретарь Координационного совета РАН по прогнозированию. – А сегодняшняя речь Путина была направлена, скорее, предстоящей администрации США во главе с Дональдом Трампом. От него пока непонятно чего ждать. Поэтому мы устремляемся сообщить мысль о положительных возможностях».

По суждению Кирилла Коктыша, кандидата политических наук, в новейшей российской концепции внешней политики зафиксирована близкая к реальности точка зрения государства. «В этом смысле она выглядит более действенной для отношений с администрацией Трампа. Судя по его новым заявлениям, новоизбранный президент также склонен к реалистичной позиции, где неконсервативная или любая другая идеология не преобладает над государственными интересами», – считает эксперт.

Далее рассмотрим внешние доктрины США в рассматриваемый период.

Администрация Обамы начала адаптацию доктрины «глобального доминирования» Дж. Буша-мл. к новой расстановке сил на международной арене. Специалисты заявляют, что Б. Обама очевидно продолжает внешнюю политику собственного предместника. Хотя основные положения новой стратегии содержат отказ от односторонних усилий, потому что старания

США исполнить глобально-имперские влечения встретили реальности современного «постамериканского мир Уникальное положение Соединенных Штатов в качестве единой сверхдержавы открыло перед ними право проявлять более глобальное и направленное влияние на ход и смысл международных отношений, в частности в сфере обеспечения безопасности. Перед американской внешнеполитической элитой встает задача не только идеологически аргументировать свою политику международной деятельности в новых соглашениях, но и изобразить модель нового мирового порядка и глобальную стратегию на длительную перспективу. Изучение доктринальных аспектов внешней политики США в сферах национальной и международной безопасности после террористических атак 2001 года тем более актуально, что видение, концепции, способы реализации внешнеполитических установок и институциональная база нынешней системы международных отношений, предложенные и разрабатываемые американскими специалистами по внешнеполитической деятельности, а также трактовка роли США, остаются дискуссионными.

Фундаментом изучения стратегии США представляют доктринальные документы американской внешней политики. За восемь лет управления администрации Буша-мл. и годы президентства Б. Обамы были опубликованы по меньшей мере 12 таких документов: три версии Стратегии национальной безопасности 2002, 2006, 2010, две версии Стратегии национальной обороны (2005, 2008), Национальная военная стратегия 2004, три версии четырехлетнего Оборонного обзора (2001, 2006, 2010), Стратегия победы в Ираке (2005), Руководство по планированию трансформации ВС (2003), Национальный военно-стратегический план по войне с террором (2006). Их дополняют 9 обращений президента «О положении в стране» (2002 – 2010), инаугурационные послания Буша-мл. (2001, 2005) и Б. Обамы (2009), около 120 докладов и выступлений основных представителей администрации Белого дома по проблемам внешней и международной

политики. Эпоха 2000-х годов, возможно, один из самых «размеченных» этапов американской истории, в определенной мере противоборствующий с эпохой развития государственности США. События 11 сентября 2001 года резко актуализировали вопрос о государственной безопасности и террористической угрозе. Первый доклад президента Джорджа Буша о Стратегии национальной безопасности (СНБ), обнародованный Белым домом 20 сентября 2002 г., был приурочен к годовщине террористических ударов. В подготовке документа приняли участие разнообразные департаменты: министерство обороны, объединённый комитет начальников штабов, Государственный департамент, министерство энергетики, СНБ, аппарат Белого дома и другие подразделения. Публикации предшествовала масштабная спецподготовка общественного рассуждения, и около акта была построена атмосфера усиленного ожидания. 20 сентября в мировой печати явилось популярное по информационным каналам Белого дома и госдепартамента, подписанное президентом вступление к «Стратегии национальной безопасности США», кратко излагающее основные идеи документа. Он возбудил большой отклик в сообществе, «получил положительную оценку в качестве ясного, дальновидного и внушительного ответа на угрозы, с которыми Америке приходится сталкиваться в настоящее время. Но в то же время он подвергся критике как радикальное и вызывающее беспокойство отступление от американской внешнеполитической традиции». В следующие месяцы влиятельные представители политического ведомства, равно как и президент, более подробно пояснили подход администрации, в том числе шанс упреждающего удара, т.е. принятия превентивных мер вместо того, чтобы пассивно выжидать и отвечать только после того, как Соединенные Штаты или их союзники подвергнутся нападению.

Проанализировав СНБ, можно распределить четыре главные проблемы, которые открыто направляют на глобализацию угроз государственной безопасности. 1. СНБ требует к исполнению передовых военных действий,

превентивных ударов (доктрина превентивности) напротив недружелюбных стран и террористических ячеек, устремляющихся к исследованию оружия массового поражения (ОМП). 2. В СНБ оглашается, что США не допустят того, чтобы какое-либо зарубежное государство бросило вызов ее глобальной военной мощи. 3. В СНБ высказывается тяготение разностороннему международному сотрудничеству. Но при этом происходит ясное положение о том, что «в случае необходимости» Соединенные Штаты «без колебаний будут функционировать в одиночку и ради защиты государственных увлечений и национальной безопасности». 4. В СНБ провозглашается цель распространения демократии и прав человека на всей планете, особенно в мусульманском мире. «Мы не стремимся навязывать демократию другим, мы устремляемся лишь поддержать условия, в которых люди сумеют сказать о своем праве на более свободное будущее».

Стратегия национальной безопасности США 2002 г. предполагает собой целую стратегию по обеспечению сохранности и государственных интересов США, и появилась она в связи с разыскиванием ответа на задачи новейших требований и опасностей государственной и транснациональной безопасности, в частности терроризма. События 11 сентября 2001 года направили США к пересмотру собственной внешней политики. В ту пору главной угрозой безопасности Соединенных Штатов становится международный терроризм. Угроза нового противника в том, что это не конкретное руководство на установленной территории, как ранее СССР. Это рассеянные по всему миру, разнообразные по силе, воздействию, численности людей организации. По мнению администрации США, тогдашняя политика «сдерживания» теперь не может быть успешной, хотя полностью не отвергается [Шаклеина Т. А., 2002, с. 99].

«Стратегия национальной безопасности не отрицает пятидесятилетний доктрины и не отмечает политику сдерживания и устрашения. Эти стратегические положения имеют все шансы и по-прежнему будут применяться там, где это нужно и уместно». Но сегодня к данным

положениям прибавляется новенькая, дополняющая концепция «превентивной обороны». «Отталкиваясь из здравого смысла, США обязаны быть готовы, по надобности, принимать меры до того, как опасности осуществятся». Финальный пункт «Стратегии национальной безопасности» приурочен к реорганизации обеспечивающих ее институтов. Администрация Дж. Буша планировала сделать наиболее крупную со времен президента Трумэна, когда были основано министерство обороны и ЦРУ, реорганизацию федерального руководства, образовав министерство внутренней безопасности. Ключевые американские институты в области государственной безопасности формировались в другое время и для решения иных задач. По взгляду Дж. Буша-мл., все они нуждались в преобразении с учетом поменявшейся международно-политической обстановки. Политика 2006 года, в отличие от предшествующего акта, расширяет начальные границы безопасности, описавшие администрацией Буша в сентябре 2002 года, до вторжения в Ирак. Предшествующая стратегия сдвинула внешнюю политику США от десятилетий направления сдерживания в сторону наиболее наступательного подхода – атаки на врагов до того, как они атакуют США.

Концепция превентивности инициировала в то время жестокие споры, и многочисленные критики считают, что поражение с розысками средств массового поражения в Ираке нанесла разрушительный толчок по коренной предпосылке этой стратегии – о том, что факты разведки о потенциалах врага и его планах имеют все шансы являться достаточными для обоснования превентивной войны. Хотя идея упреждающих ударов сейчас не столь приоритетна, США от нее не отрекаются. В документе Америка подкрепляет, что ее политика учитывает нанесение превентивных ударов по государствам, которые предполагают для них угрозу. «В случае потребности мы не исключаем применение силы до того, как будем атакованы, даже если присутствуют колебания касательно даты и места атаки противника», – говорится в документе. Отдельные эксперты по вопросам безопасности осуждают длящуюся наклонность США принципу превентивности:

«Основывать внешнюю политику на превентивности и ставить ее в центр – огромная ошибка» – таков взгляд ведущего советника вашингтонского Центра стратегических и международных исследований Харлана Ульмана. В то же время в документе подчеркивается, что международная совместная работа, «особенно с нашими наиболее давними и самыми преданными друзьями, и союзниками», рассматривается как первенствующая возможность урегулирования кризисов [Старкин С., 2014, с.49].

Внешняя политика США базируется на три столпа – доктрину непревзойденного американского военного превосходства (США обязаны всячески усиливать свою боевую мощь, чтобы оставить положение единственной мировой сверх-державы), концепцию превентивной войны (производить военные удары до того, как в отношении США и их союзников будут предприняты захватнические операции) и стремление работать в одиночку, если разностороннего партнерства для свершения внешнеполитических целей США оказывается невозможно достичь. Приверженцы «доктрины Буша» направляют на нескладность водящихся международных институтов. США отрекаются от переговоров с террористическими организациями и теми странами, которые дают им убежище и/или поддержку. Установленный документ считается первоначальным полноценным пересмотром ключевой доктрины от 2002 года, в которой обосновывались упреждающие удары по допускаемым террористическим мишеням. В то же момент Стратегия 2006 года во многом повторяет Стратегию-2002. Она основывается на потребности охраны свободы, правосудия и человеческого достоинства при обеспечении главной роли США в противодействии глобальным угрозам. Вашингтон считает, что первенствующим считается активный путь борьбы с данными угрозами.

В «Стратегии» 2006 года была совершенно исправлена точка зрения США в взаимоотношении с Российской Федерацией. В 2002 году Вашингтон помечал отдельные позитивные перемены, происходящие в России, и назвал ее как единомышленника в борьбе с терроризмом. В СНБ 2002 г.

утверждалось, что Соединенные Штаты не сумеют достичь важных положительных перемен без помощи международных сторонников и партнеров. Но в документе 2006 года Вашингтон сформулировал весьма подозрительный подход к развитию демократии в РФ. В Стратегии-2006 зафиксировано, что США «обязаны быть готовы к тому, чтобы орудовать отдельно в случае надобности». В связи с чем, кстати, департамент сведения и печати МИД России сообщил, что, по мнению Белого дома, «ключевым аспектом становления отношений Соединенных Штатов с зарубежными странами будет соответствие или несоответствие действий той или иной державы американскому осмыслению демократии и потребностям борьбы с неугодными системами, как это видится из Вашингтона».

Внешнеполитические операции, инициированные администрацией Б. Обамы, могут обозначиться мощным стимулом для проверки американской стратегической идеи. В отличие от стратегических новаций Дж. Буша-мл., которые поднимали общественный резонанс, ведущая линия Обамы явно претендует на свежий прагматизм, коалиционный расклад с опорой на «умную силу» в разрешении всевозможных осложнений международной значимости. Стратегия национальной безопасности, обнародованная в мае 2010 г., совместно с другими доктринальными доказательствами (Четырехгодичный обзор военной политики, Обзор ядерной политики, Стратегия в сфере кибер безопасности и т.п.), дает предостаточное детальное изображение о внешнеполитических ценностях администрации Обамы [Попова Е. И., 2012, с. 212]

По Стратегии государственной безопасности можно толковать о степени преемственности и свежести в подходе подходящей власти к проблемам безопасности США. В новоиспеченном свидетельстве отличаются четыре аспекта: безопасность; экономическое процветание; продвижение «универсальных ценностей»; укрепление миропорядка под американским руководством. В такой установке темы нет ничего нового. Стратегия национальной безопасности Обамы, как и все прошлые документы подобного

рода, удерживает акцент на поддержание американского лидерства в мире. Вместе с тем подход современного правительства США имеет ряд важных инноваций не только тактического, но и стратегического характера. Впервые в стратегии предполагается соединить главные инструменты американской мощи: дипломатию, военную силу, экономические механизмы, разведку, силы оснащения внутренней безопасности.

Исторически американский путь к вопросу оснащения национальной безопасности довольствовался международными аспектами – задачами военной и внешней политики. Проблемы внутренней политики и финансового развития не являлись относящимися к области национальной безопасности США. Правда, руководство Джорджа Буша-младшего разместила Стратегию внутренней безопасности, но это был независимый документ. Последующая администрация отделилась от такого безжалостного разделения и увеличила понятие государственной безопасности. Политика Обамы носит всеобъемлющий характер и предполагает собой попытку объединить внутренние и международные аспекты национальной безопасности.

Свежая политика Обамы воссоздает острый общесистемный кризис, с которым встретились Соединенные Штаты в конце прошедшего десятилетия. Конечно, речь идет не о выживании США, а о перенапряжении сил в стремлении консолидировать однополюсный мир. Тезис о перенапряжении повторяется в тексте документа три раза. Многократно говорится и о том, что ни одна держава не в состоянии нести ношу ответственности в одиночку. Руководство Обамы, как известно, не прекращает приумножать военный бюджет. Хотя в документе предполагается сжать «ненужные расходы». При этом помечается, что это имеет особенное значение для Пентагона, на долю которого случается 70% всех федеральных закупок. Но пока о сокращении военных затрат речь не идет, хотя дается обязательство «сократить или реструктурировать старые, дублирующие, неэффективные и ненужные программы» [Дегоев В. В., 2015, с. 164].

В документе провозглашается, что США собираются удерживать военное преимущество и способность «возобладать» над разными возможными противниками. В то же время практически дезавуируется так именуемая доктрина Буша, предусматривавшая ведение Соединенными Штатами превентивных войн «по выбору» Вашингтона. В последнее время представители консультационного общества достаточно часто изливают те или иные оценивающие предложения касательно «внешнеполитической стратегии Обамы». Осторожный американский президент своей политикой и своей риторикой смог остановить деградацию внешнеполитических позиций и явно поднять имидж США в мире. Хотя формируется представление, что внешняя стратегия самой крупной державы, от усилий которой, без приукрашивания, зависят судьбы мира, пока основывается практически – от проблемы к проблеме.

Администрация президента Б. Обамы, которая получила тяжелейшее военно-политическое, финансовое и экономическое наследство, вне сомнения, обеспокоена в основную очередность вопросами внутренней политики и отыскиванием путей выхода из военного конфликта на Большом Среднем Востоке. В связи с этим явления в среднесрочной возможности новой «большой стратегии» США вряд ли стоит ждать. Но это вовсе не значит, что Соединенные Штаты будут орудовать, не имея долговременных целей, или отреклись от целей основать новую глобальную среду безопасности на базе личных вниманий и ценностей.

В собственной книге «Второй шанс: три президента и кризис американской сверхдержавы» один из ключевых стратегов американской внешней политики Збигнев Бжезинский заявляет, что не бывает настоящей альтернативы глобальному лидерству США и что большая часть ведущих стран мира согласны с тем, что мир имеет необходимость в лидер-стабилизаторе. Руководящий иными информационными источниками и занимающий самые инновационные футурологические модели Национальный совет по разведке США в своем отчете «Глобальные

тенденции 2025: изменившийся мир», ноябрь 2008 г., объясняет ту же мысль более конкретно. В разделе «Соединенные Штаты: менее господствующая сила» (The United States: Less Dominant Power) эксперты Совета видят нужность США до 2025 г. в качестве регионального рычага на Ближнем Востоке и в Азии. Если принять в расчет, что в Азии присутствуют новые массовые игроки, Китай и Индия, – возможные конкуренты США, а на Ближнем Востоке – основополагающие крупные запасы нефти и газа, то это скорее обращение на управление не региональными, а глобальными процессами.

Администрация Обамы начала к адаптации доктрины «глобального доминирования» Дж. Буша-мл. к последней постановке сил на международной арене. Отдельные американские специалисты даже заявляют, что Б. Обама просто не прекращает внешнюю политику своего предместника. «Мы остаемся самой процветающей и крепкой нацией на Земле... Мы отклоняем ложный выбор среди нашей безопасности и нашими идеалами... Мы готовы еще раз повести за собой мир». Основные тезисы новой стратегии охватывают отрицание от односторонних операций, поскольку попытки США исполнить всеобъемлюще-имперские тяготения, делая упор исключительно или преимущественно на военную мощь, встретили на реальности нынешнего «постамериканского мира», по точному обороту американского аналитика Фарида Закарии, отклоняющего такой международный однополюсный порядок. Базисная установка на высококачественное общественно-политическое и военное превосходство в XXI веке сохранилась, о чем удостоверяют главные заявления стратегии государственной безопасности. Первая установка – многосторонняя переклассификация – имеет целью ограничение обязательств США за рубежом и возобновление утверждения страны в мире.

В стратегии Б. Обамы подчеркивается нужда совокупных усилий стран в рамках международного права и увеличения в этой связи значения дипломатии. В документе помечается, что ни одна нация не может в одиночку

взять на себя груз урегулирования вооруженных инцидентов, случающихся в мире. В новом документе нет замечаний об односторонних превентивных силовых операциях, которые проводятся без важных свидетельств об угрозе и должных решений международных организаций. Во-вторых, подчеркивается особая роль «мягкой силы» для достижения всемирного лидерства США (дипломатия, сотрудничество, международно-правовое урегулирование), либеральное содержание (признание множественности центров силы, поддержание либерально-демократических реформ в других государствах, активизация международных организаций, повышение политической роли развивающихся государств) [Waltz K., 2014, с. 541]

В соответствии с Стратегией-2010, условия использования военной силы включают в себя защиту США и их союзников, а также, в более широком ключе, – мира и безопасности в региональном и глобальном масштабе, включая случаи гуманитарных кризисов. При проведении военно-силовых действий США будут искать обширную международную помощь, функционируя с такими институтами, как НАТО и ООН. Кроме того, США оставляют за собой право на односторонние операции при четком указании на надобность силовой акции, ее целей и возможных результатов. Очевидно, что, описывая обстановку использования силы столь неясным способом, по существу нарушая вопрос о легитимности, США оставляют за собой право наибольшей эластичности в принятии решений по применению военной силы. Как указывается в акте, из внешних военных угроз самую большую опасность для США показывает оружие массового поражения, особенно ядерное оружие, в случае его передачи неядерным государствам или учреждениям экстремистов. В феврале 2010 г. министерство обороны США издало очередной Четырехлетний обзор в области обороны – своего рода «дорожную карту» по военному устройству на текущие четыре года. Этот доктринальный документ органически вписывался в военную политику администрации Обамы, возобновляя на концептуальном уровне (хотя и

несколько в измененном виде) курс в зоне военного строительства, заявленный республиканцами в начале XXI века.

Обычно ведущую опасность для США исполняет роль «Аль-Каида» и ее сторонники – террористы. Невзирая на классического противника, установленного в новоиспеченном документе, в числе свойств – нацеливание к внутренним угрозам. Как заявляют специалисты, это первая государственная стратегия, когда-либо представленная президентом США, в которой внутренняя безопасность объявлена частью наиболее широкой стратегии национальной безопасности. Отталкиваясь от этого, можно допустить, что на кратчайшие годы США вряд ли дадут согласие с чем-то наименьшим, чем всемирное первенство, тем более что военный, технологический, экономический, да и финансовый потенциал им это позволяют. Достижения или неудачи США во внешней политике должны были стать испытанием их возможностей к мировому лидерству на фоне обостряющихся государственных направленностей обитателей всех материков и грубых сдвигов геополитических балансов. Во-первых, приходится учесть, что в прогрессивной стратегии установлен уклон на координацию процесса развития новой системы интернациональных отношений Соединенными Штатами, основанной на росте партнерства между государствами и налаживании первостепенных стратегических связей [Hildreth S. A. 2010., с. 279].

Хотя термин «многополярный мир» не употребляется в новой стратегии, производится акцент на разностороннее партнерство, так, например, в охват главных американских заинтересованностей, по словам Х. Клинтон, входит усиление альянсов от Европы и Северной Америки до Восточной Азии и Тихого океана. Долгосрочные миссии внешней политики США – поддержка мира и гарантия безопасности – обязывают Вашингтон выражать новые ухищрение и ценности своего ближневосточного курса, что, было обусловлено быстрыми и глобальными политико-экономическими переменами в регионе, который считается своего рода «лакмусовой бумажкой

мировых действий, где присутствуют энергоресурсы и идет перекрой заинтересованностей стран». Во-вторых, в стратегии рассказывается о поиске эффективных методов прекращения или, как минимум, сдерживания местных и региональных столкновений, борьбы с терроризмом и недопущения распространения оружия массового поражения. Необходимо отметить, что Обама предпринимает стремления для того, чтобы поменять позиции США к внешнему миру и более неотделимо внести страну в организовывающийся эпохальный контекст XXI века. В этом смысле американский президент руководствуется рекомендациям Зб. Бжезинского, отметившего в своей книге «Еще один шанс», что ««Америке нужно безотлагательно сформировать внешнюю политику, действительно соответствующую обстановке». Она еще может это сделать при условии, что американский президент, осознавая, что «сила великой державы убавляется, если она перестает служить идее», заметно свяжет силу Америки с тяготениями политически проснувшегося человечества». «Глобальное политическое пробуждение» – это базовая действительность и ось истории, сопротивляться ему, исходя из консервативных эталонов, безуспешно и самоубийственно. Америка будет способна «одолеть риск того, что глобальное политическое зарождение обернется против нее» только в том случае, если определит себя с ним, иначе объясняясь, если представит себя не удерживающей равновесие державой, но своего рода лидером революционных преобразований.

1.3 Особенности российско-американских отношений: цивилизационный подход

Для того чтобы уяснить устройство, план, основную мысль взаимоотношений между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки, их достоинства и недостатки, отличия в мышлении, надо освоить следующие положения, целью которых является предсказание

взаимоотношений, в первую очередь между США и Россией, в свете убывшего двухполярного мира и современных международных отношений.

Так как международные отношения сложились и формировались в условиях биполярного мира, как область современной общественно-политической науки, это не могло сказаться на концептуальных подходах и проблематике международно-политических изучений. Все полноценные прогнозы развития международных отношений подразумевали и в будущем сохранения примерно той же ситуации, которая имелась четыре десятилетия после окончания Второй мировой войны. Хотя кое-какие политологи предвещали возможность перемен в системе международных отношений, ее усовершенствование в сторону многополярности, но и они исходили из того, что обе сверхдержавы – США и СССР – по-прежнему будут исполнять наиглавнейшую роль [Грачев С. И., 2017 с 27].

Истинные шаги в мировой политике, случившиеся после завершения холодной войны, стали такими же радикальными, как и внезапными для многих специалистов по международным отношениям. В миг обвалились многочисленные теоретические концепции, представлявшиеся надёжными и едва ли не бессмертными. Политическая ситуация мира изменяется столь быстро, что ученая идея не всегда за ней поспевает. Между политологами, которые специализируются на исследовании проблем мировой политики и международных отношений, замечается, одной стороны, некая неуверенность, а с другой – влечение растолковать новоиспеченные мировые реалии и предсказать динамику последующих перемен в мире.

Одна из главных усилий дать теоретическое подтверждение перемен, сопряженных с окончанием холодной войны, была предпринята еще на этапе 1980 – 1990-х гг. американским ученым и дипломатом Фрэнсисом Фукуямой. В своей прошумевшей работе «Конец истории» он выдвинул тезис о целом разрешении лежавшего в основании холодной войны стычки двух идеологий – либеральной демократии и коммунизма. Коммунизм потерпел крах, и раскрылись возможности для свершения принципов либеральной демократии

во всем мире. Значит, по мнению политолога, настал «конец истории», т.е. положение бесконфликтности. Точка зрения Ф. Фукуямы испытало критику как идеалистическая и облегченная. На деле, минувшие после окончания холодной войны годы не приносят основы для того излишнего оптимизма, каким заполнена труд американского ученого, – мироощущения, навеянного эйфорией конца 1980-х годов.

Наиболее серьезное обсуждение вопроса инициировала работа одного из самых влиятельных политологов Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций?», напечатанная в 1993 г. В американском внешнеполитическом журнале «Форин афферс». Концепция С. Хантингтона в совокупных линиях сливается к последующим утверждениям. На разных стадиях истории международных отношений динамику всемирной политики устанавливали инциденты разнообразного характера. Спервоначала это были стычки между повелителями. Спустя время Великой французской революции пришла эпоха конфликтов среди наций государствами. С победой в 1917 г. Русской революции мир очутился разбившимся по идейному и социально – политическому принципам. Этот раздор и был ключевым источником конфликтности вплоть до окончания холодной войны. Тем не менее, по мнению С. Хантингтона, все эти типы столкновений были конфликтами в недрах западной цивилизации. «С окончанием холодной войны, – направляет политолог, – приходит к концу и западная фаза формирования международной политики. В центр выставляется связь между Западом и не западными цивилизациями».

С. Хантингтон описывает цивилизации как социокультурные общности самого верховного ранга и как наиболее широкий уровень культурной идентичности людей. Для каждой цивилизации типично присутствие отдельных объективных свойств: общности истории, религии, языка, обычаев, особенностей функционирования социальных институтов, а также субъективной самоидентификации человека. Делая упор на труды А. Тойнби и прочих ученых, С. Хантингтон выделяет 8 цивилизаций:

западнхристианскую и православно – христианскую, исламскую, конфуцианскую, латиноамериканскую, индуистскую, японскую и африканскую. С его точки зрения, цивилизационный фактор в международных отношениях несомненно будет непрерывно усиливается. Это заключение обосновывается таким образом.

Во-первых, отличия между цивилизациями базу которых составляют религии, более существенны; эти отличия укладывались веками, и они мощнее, чем различия между политическими идеологиями и политическими системами.

Во-вторых, обостряется взаимодействие народов разнообразной цивилизационной принадлежности, что приводит как к росту цивилизационного понимания, так и к осмыслению разнообразия между цивилизациями и общностью в рамках собственной цивилизации.

В-третьих, растет роль вероисповедания, к тому же последняя нередко проявляется в форме фундаменталистских процессов.

В-четвертых, слабеет воздействие Запада в незападных государствах, что определяет высказывание в действиях разрушения стереотипов коренных элит и интенсивном розыске своих цивилизационных корней.

В-пятых, культурные отличия меньше подвергаются переменам, чем финансовые и общественно-политические, и, следовательно, менее содействует компромиссным заключениям. «В бывшем Советском Союзе, – пишет С. Хантингтон, – коммунисты имеют все шансы стать демократами, состоятельные перевоплотятся в бедных, а бедняки в магнатов, но русские при всем намерении не смогут стать эстонцами, а азербайджанцы – армянами».

В-шестых, политолог сообщает о том увеличение экономического регионализма, нерушимо сопряженного с цивилизационным фактором, – культурно – религиозная сходство покоится в основании многочисленных экономических организаций и интеграционных объединений.

Взаимодействие цивилизационного фактора на мировую политику уже после завершения холодной войны С. Хантингтон представляет в возникновении «синдрома братских государств». Этот синдром содержится в ориентации стран в их отношениях уже не на целостность идеологии и политического режима, а на цивилизационное единство. Помимо этого, в качестве образца действительности цивилизационных отличий он направляет на то, что главные инциденты конечных лет случаются на направлениях разлома между цивилизациями – там, где протекает грань соприкосновения цивилизационных полей (Балканы, Кавказ, Ближний Восток и т.д.)

Предсказывая грядущее, С. Хантингтон подходит к заключению о неизбежности стычки между западной и незападными странами цивилизациями, вдобавок первостепенную угрозу для Запада способен проявлять конфуцианско – исламский блок – предположительный блок Китая с Ираном и рядом арабских и прочих исламских государств. Для доказательства собственных догадок американский политолог приводит ряд прецедентов из политической жизни начала 1990- х гг.

С. Хантингтон порекомендовал меры, которые, по его суждению, обязаны были усилить Запад накануне повиснувшей над ним последней угрозой. Между остального, американский политолог требует сосредоточить интерес на так именуемые расколотые государства, где руководства владеют прозападной ориентацией, но устои, культура и история данных государств ничего единого с Западом не располагает. К подобным государствам Хантингтон причислял Турцию, Мексику и Россию. От внешнеполитической ориентации крайней в существенной степени будет обуславливаться темперамент международных отношений ближайшего будущего. Поэтому С. Хантингтон особо акцентировал внимание, что увлечения Запада вызывают углубления и удерживания партнерства с Россией [Schädler S. 2017, с. 63].

Собственные идеи С. Хантингтон защищал и совершенствовал в 90 – е годы XX века. В 1996 г. Он издал книгу «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка». В данном труде американский политолог

уделяет особенную заинтересованность взаимосвязи западно – христианской и исламской цивилизаций. По его суждению, корни конфликта между ними имеют многолетнюю историю.

Остроконфликтная взаимосвязь христианства и ислама наступает с арабских покорений в Северной Африке, и Иберийском полуострове, Ближнем Востоке и других областях. Противоборство христианского и арабского обществ продлилось в Реконсисте – войне за эмансипации Испании от арабов и берберов, Крестовых походах, когда в ходе 150 лет западноевропейские властители старались укрепиться на палестинских территориях и близлежащих к ним областях. Знаковым событием этого противоборства стало завоевание турками Константинополя в 1453 г. и осада ими же Вены в 1529 г. С падением Византийской империи на прежде входивших в ее состав территориях Малой Азии, Балкан и Северной Африки появилась турецкая Османская империя, ставшая наикрупнейшим политическим и военным центром исламского мира. От нее длительное время исходила непринужденная опасность значительным христианским государствам и народам.

С приходом эры знаменитых географических открытий и основой модернизации западно-христианского мира баланс сил в противоборстве с исламом изменяется в пользу Запада. Европейские страны начали помещать под свою власть обширные земли за границами Европы – в Азии и Африке. Солидная часть этих мест была населена народами, традиционно исповедовавшими ислам. По предоставленным источникам, на какие ссылается С. Хантингтон, в период с 1757 по 1919 г. свершилось 92 захвата мусульманских областей немусульманскими правительствами. Экспансия европейского колониализма, так же, как и противодействие ему со стороны населения незападных, предпочтительно исламских стран, сопровождалось вооруженными столкновениями, как говорит Хантингтон, половина войн периода с 1820 по 1929 г. были войнами между странами, в которых доминировали различные религии, прежде всего христианство и ислам.

Конфликт между ними, по мнению Хантингтона, с одной стороны, стал результатом различий между мусульманской концепцией ислама как образа жизни, выходящего за пределы религии и политики, и концепцией западного христианства, гласящей, что Богу Богово, а кесарю кесарево. С другой стороны, этот конфликт обусловлен их общими чертами. И христианство, и ислам являются монотеистическими религиями, которые в отличие от политеистических неспособны к безболезненной ассимиляции чужих богов и которые смотрят на мир через призму понятия «мы – они». Обе религии имеют универсальный характер и претендуют на роль единственной истинной веры, которой должны следовать все живущие на Земле. Обе являются миссионерскими по своему духу и возлагают на своих последователей обязанность прозелитизма. С первых лет существования ислама его экспансия осуществлялась путем завоеваний, но христианство тоже не упускало такой возможности. С. Хантингтон отмечает, что параллельные понятия «джихад» и «крестовый поход» не только схожи с друг другом, но и выделяют эти религии среди других ведущих религий мира.

Обострение в конце XX в. Давнего конфликта между христианской и мусульманской цивилизациями, по мнению Хантингтона, обусловлено пятью факторами.

Во-первых, рост мусульманского народонаселения привел к всплеску безработицы и недовольству молодежи, примыкающей к исламским движениям и мигрирующей на Запад.

Во-вторых, возрождение ислама дало мусульманам возможность вновь поверить в особый характер и особую миссию своей цивилизации и своих ценностей.

В-третьих, острое недовольство среди мусульман вызвали усилия Запада по обеспечению универсализации своих ценностей и институтов, по сохранению военного и экономического превосходства наряду с попытками вмешательства в конфликты в мусульманском мире.

В-четвертых, крушение коммунизма привело к исчезновению общего врага, имевшегося у Запада и у ислама, в результате чего главную угрозу они стали видеть в друг друге.

В-пятых, все более тесные контакты между мусульманами и представителями Запада заставляют и тех, и других переосмысливать свою самобытность и характер своего отличия от других, обостряют вопрос об ограничении прав представителей меньшинства в тех странах, большинство жителей которых относится к другой цивилизации. В 1980–1990-х гг. в рамках как мусульманской, так и христианской цивилизаций взаимная терпимость резко пошла на убыль [Федосова М. П. 2015, с. 43].

По мнению Хантингтона, ушло в прошлое традиционное геополитическое измерение конфликта между западной и мусульманской цивилизацией. Фактическое сведение на нет западных территориальных экспансий привело к географической сегрегации, в результате которой западные и мусульманские общины стали непосредственно граничить с друг другом лишь в нескольких точках на Балканах. Таким образом, сегодня в основе конфликтов между Западом и исламом лежат не столько территориальные аспекты, сколько более широкие проблемы: распространение оружия, права человека и демократия, контроль за добычей нефти, миграция, исламский терроризм и западное вмешательство.

Всплеск активности исламского терроризма в начале XXI в. вновь вызвал интерес к концепции «столкновения цивилизаций». Однако сам Хантингтон после 11 сентября 2001 г. пытался дезавуировать собственные тезисы о противостоянии западнохристианской и исламской цивилизаций. Скорее всего, он сделал это из соображений политкорректности. В США после атаки террористов на Нью-Йорк и Вашингтон резко усилились антимусульманские настроения, поэтому упоминание о конфликте цивилизаций могло подогреть подобные настроения и привести к нежелательным эксцессам.

Около положений С. Хантингтона уже более десяти лет живые споры. Одни эксперты и политические деятели, делая упор на эти мысли, поясняют многочисленные случающиеся в мировой политике течения. Вторые, наоборот, полагают, что истинная практика международных отношений не отвечает утверждениям положения столкновения цивилизаций. Так, например, взаимоотношения между Россией с православной по близким цивилизационным корням Грузией формируются в постсоветское время проблематичнее, чем с располагающимся рядом Азербайджаном, имеющим исламскую цивилизационную природу. Для такой мультинациональной и многоконфессиональной страны, как Российская Федерация, преувеличение проблемы о религиозных отличиях, тем более заявление о неизбежности междоцивилизационных столкновений, может иметь отрицательные для устойчивости и безопасности исходы. Но невозможно не принимать во внимание и то, что в обстановках глобализирующегося мира прямое взаимодействие представителей всевозможных культур и религий сможет производить сложные остроконфликтные ситуации. Все это и объясняет представление идей Хантингтона и оценку их роли в реалистичных международных отношениях.

Взаимоотношения с Россией присутствуют в фокусе внимания другого знаменитого американского политолога – Збигнева Бжезинского. В своей книге «Без контроля. Глобальный беспорядок на пороге XXI века», размещенной в 1993 г., он в свою очередь вырабатывает сценарий формирования международных отношений уже после окончания холодной войны. Тем не менее в отличие от цивилизационного подхода С. Хантингтона, подход З. Бжезинского базируется на традиционных геополитических началах. По суждению З. Бжезинского, разрушение Советского Союза привело к геополитической пустоте в центре Евразии, что представляет собой первостепенное образование конфликтности по границе всего постсоветского геополитического пространства. Совместно с активизацией ислама и объективной неспособностью США гарантировать

управление над обстановкой в регионе Среднего Востока это проводит, к возникновению громадной области нестабильности, которая способна овладеть частью Юго-Восточной Европы, Средним Востоком и районом Персидского залива, а также южной частью бывшего Советского Союза. В недрах этой, по словам Бжезинского «воронки водоворота насилия» присутствует изобилие участков возможных конфликтов, несущих опасность всему миру. Уровень опасности растет, потому что присутствует вероятность вовлечения в конфликт остальных стран, и особенно Китая. З. Бжезинский устанавливает под подозрение использование этим государством системы нераспространения ядерного оружия [Троицкий М., 2011, с. 46].

Основную же опасность американский политолог, общеизвестный в минувшем личными антисоветскими мнениями, видит в восстановлении имперской политики России. Не надеясь в невозвратимость демократических переустройств в России, он считает неминуемым возвращение к попыткам «возрождения империи». Подобная тенденция российской внешней политики, по суждению Бжезинского, небезопасна для Соединенных Штатов, ей нужна всяким образом препятствовать. Вследствие этого в ряде собственных заметок и докладов он вырабатывает мысль об Украине как геополитическом противовесе России. Эта идея базируется на принципе, что ключевое обстоятельство восстановления «российской империи» содержится в поглощении Россией Украины. Во время, когда Украина испытывала суровые финансовые проблемы, Бжезинский требовал оказывать ей помощь. При этом не было тайной то, что основная цель поддержки содержится не настолько в решении украинских экономических задач, сколько в преграде ее сближению с Россией. Кроме усилий с поддержкой теоретических расчетов вколотить клин в российско-украинские взаимоотношения, Бжезинский решал и фактические операции в этом ориентированности. Его сын трудился в американском посольстве, а в Киеве. Многочисленные воспитанники американского политолога показывали энтузиазм в украинских действиях,

помогая тем националистическим силам, для которых отдаление от России было фундаментальной целью.

По позиции Бжезинского, главные фигуры в предотвращении опасности возрождения Российской империи на постсоветском геополитическом пространстве помимо Украины занимают Азербайджан и Узбекистан. Азербайджан представляет значимую роль в контроле над промыслом и маршрутами транспортировки каспийской нефти. Бжезинский был между приверженцев южного маршрута такого нефтепровода с выходом на турецкий порт Джейхан, избегая территорию России. Он высказался за бурное содействие США в решении инцидента в Нагорном Карабахе, чтобы гарантировать устойчивость находящихся нефтяных потоков. Похожее содействие можно было бы встретить, если бы Бжезинский в первостепенную очередь старался к установке мира и устойчивости в этой местности, но он ключевым образом анализировал достижимость вытеснения из того места России. В конце 1990-х гг. Бжезинский многократное указывал и писал о том, что Северный Кавказ должен быть вне России. вероятно, никто из видных американских политических деятелей и политологов, кроме него, не устанавливал под недоверие территориальную неразрывность Российской Федерации.

На третьем месте постсоветское государство, которое акцентирует З. Бжезинский, – Узбекистан. Он думал, что Узбекистан способен добиться основного утверждения в постсоветской Центральной Азии и в этом свойстве противодействовать «имперским» требованиям России. По теории американского политолога, у Узбекистана есть для данного все предпосылки, потому как он считается наиболее многонаселенным государством региона и имеет в своем распоряжении необходимые ресурсы. На землях Узбекистана присутствуют ключевые историко-культурные центры среднеазиатского региона, только он единственный из всех прежних советских республик обладает традициями государственности. В экономическом отношении Узбекистан способен стать самодостаточным и независимым от России, в

этом же ориентированности, отмечает Бжезинский, надлежит устремлять и его политическое продвижение. Американского политолога не интересует ни обличье политического строя постсоветского Узбекистана, ни производительность выбранной им экономической модели. Хотя взгляды построения общественно-политической и финансовой доктрины Узбекистана не подходят тем, которые официальные власти США объявляли в качестве подходящих для посткоммунистических стран, основным для Бжезинского считается переориентирование внешней политики этой прежней советской республики в антироссийском курсе [Виноградова С. М. 2017, с. 187].

Безусловно, надлежит отличать геополитические исследования Бжезинского и официальную позицию американского руководства. Бжезинский давно не занимал практически никаких официальных постов, до победы демократов на выборах. Но у него были сторонники в республиканской политической верхушке, он лично и кое-какие его учащиеся имеют обширные знакомства между приверженцами и деятелями Демократической партии. Убеждения Бжезинского, который в годы холодной войны был основным американским советологом, экспертом по Советскому Союзу и коммунизму, доказывает о том, что эта война до сих пор припоминает о себе. Между частями американской политической элиты и политологического общества США присутствует предвзятая позиция к России. Это обстоятельство приходится брать в рассуждение, когда речь идет о последующем формировании отношений Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки.

Для полноты картины приведем еще одну концепцию о важности России и США в теории международных отношений – знаменитого американского социолога Иммануила Валлерстайна. Его внешнеполитическая идея зачастую обуславливается как неомарксистская. Подобная черта достоверна лишь в той позиции, что, как и К. Маркс, И. Валлерстайн видит основную детерминанту политики, в данном случае международной, в экономике. В своей базе международные отношения, по Валлерстайну, есть первоначально всего

отношения экономические. Ключевая разновидность его анализа – «современная мир-система», несводимая к самостоятельным странам. Связывает эту «современную мир-систему» единственная капиталистическая «мир-экономика», происхождение которой Валлерстайн причисляет примерно к 1500 г. Любое государство занимает в мир-системе конкретное место, поменять которое весьма тяжело, а изредка элементарно неприемлемо. Логичность капиталистической мир-экономики неминуемо отражает дробление государств мира на ядро и периферию, вдобавок первое постоянно располагаться в лучшем расположении по позиции ко второй. Страны укладываемые в состав ядра капиталистической мир-системы обладают правом существовать за счет эксплуатации периферии. Подобный режим не поменяется никогда, потому что он выливается из самой сути мир-экономики. Кроме стран, вмещающихся в состав ядра или периферии, присутствует еще и полупериферийные страны. Эти государства не вмещаются в состав ядра мир-системы, но и не причисляются полностью к периферии. Подобным периферийным государством, по суждению Валлерстайна, была Россия, начиная с реформ Петра I и Екатерины II. Невзирая на эти и следующие старания реформирования, России не удалось поместиться в состав ядра, но параллельно она смогла уклониться от участи периферийных стран, ставших в значительном, колониальными придатками основных государств мира. Традиционный «товар», решающий место и роль России в мир-системе, – это ее геополитическое влияние и военная мощь. Собственно, эти условия вынуждали считаться с Россией остальные государства и разрешали ей владеть статусом «сверхдержавы». Принципиально не скорректировали это положение дел и годы советской власти. Как полагает И. Валлерстайн, изменения в отдельном государстве или пусть даже группе стран не могут выразить воздействие на основные качества мир-системы. С его точки зрения, мировой порядок социализма был совершенным вымыслом, потому что определяли логику мирового финансового становления правила капиталистического рынка [Коновалов В.Н., 2010 с. 67].

Оценки, которые дал Валлерстайн холодной войне и ее результатам, а вдобавок перспективам формирования международных отношений впоследствии ее завершения, безмерно неповторимы и даже своеобразны, они ясно расползаются с общепринятыми впечатлениями. Валлерстайн полагал, что предел власти США выпал на 1945 г., когда это государство вышло из Второй мировой войны в свойстве мирового экономического и политического фаворита. США оказалось одним-единственным государством в рамках ядра мир-системы, избежавшим разрушений и иных неблагоприятных результатов. Наоборот, эта страна приумножила собственную промышленно-экономическую возможность.

Для предстоящего функционирования и формирования американской экономики нужно было возродить и соблюсти прочую часть ядра мир-системы – Западную Европу и Японию. Вследствие этого в Ялте США и СССР условились о разделении мира на две сферы воздействия. В американскую сферу вместились прежде всего государства ядра, в советскую – преимущественно периферийные и полупериферийные страны. Как думает Валлерстайн, США обдуманно отправились на такое разделение, потому что не обладали ни необходимым частью источников, ни стремлением реализовывать всеобщее управление над всем миром. В пределах собственной ответственности США вначале содействовали возрождению хозяйств и Западной Европы и Японии, а вслед за этим, воспользовавшись собственным преимуществом, привязали их к себе военно-политически, заключив надлежащие контракты (НАТО для Западной Европы, Договор о совместной безопасности для Японии). Для укрепления организации среди собственного блока США был важен облик показного противника. В качестве подобного и начали признавать Советский Союз. Совместно с СССР США инициировали огромную игру под наименованием «холодная война». Советский Союз выступал в качестве подыгрывающего напарника, потому что гнался за своей целью – укрепить власть над союзниками.

На изначальном рубеже холодной войны и на Западе, и на Востоке чрезвычайно похожим образом сражались с инакомыслием – это маккартизм с его «охотой на ведьм» в США и общественно-политические движения в СССР и в восточноевропейских государствах. На самом деле, думал Валлерстайн, исключались подлинно левые силы, представляющие угрозу для самой мир-системы и лежащей в ее основе капиталистической мир – экономики. Наперекор общепризнанному мнению Валлерстайн не полагал, что в годы холодной войны сформировалась двухполярная налаженность международных связей, потому что финансовый резерв Советского Союза отроду не был равноценен экономической возможности США. Однако данным государствам было прибыльно выступать в роли противоборствующих друг другу сверхдержав, и они длительное время осуществляли это.

Наперекор общераспространенному суждению, в частности высказывавшемуся З. Бжезинским, завершение холодной войны не значило победу США и установления Pax Americana, а, напротив, обозначало завершение эры американского главенства и лидерства. Конец холодной войны не стало «концом истории» как какого-то «золотого века» человечества, а ввергло к обострению древних и возникновению новейших столкновений. В отличие от С. Хантингтона предпосылки наступающих инцидентов Валлерстайн представляет не в цивилизационных, а в экономических обстоятельствах. Так, он считает, что уже в истоке XXI века можно дожидаться призывов и даже открытых ударов стран маргинализованного, неимущего и малоразвитого Юга на состоятельный Север, а кроме того агрессивных войн между самими странами Юга, возможно быть, и с использованием ядерного оружия. Но наиболее ключевая опасность, которая может идти от периферии по позиции к ядру мир-системы, – многочисленная миграция жителей с Юга на Север.

Ближайшая судьба, по крайней мере до центра XXI в., Валлерстайн наблюдает в сумрачных цветах: стычки, упадки на периферии в середине

мир-системы неминуемы, пока присутствует капиталистическая мир-экономика.

Всеобщее предсказывание И. Валлерстайна касательно возможностей России отдален как от последнего мироощущения, так и от излишней мрачности. В заключениях на проблемы российского журнала «Свободная мысль» он рассказывал: «Я убежден, что Россия, как всегда, усилия ее будут полууспешны. Завтра (то есть в последующие 20–90 лет) вам предстоит не катастрофа и не процветание, а обычная для России ухабистая история» [Филимонов Г. Ю. 2013. с. 11].

Обосновать или оспорить мысли, заключения и оценки возможностей всемирного становления после окончания холодной войны, произведенные Валлерстайном, так же, как и Ф. Фукуямой, С. Хантингтоном, З. Бжезинским, возможно исключительно в будущем. Перемены, приключившиеся в мире за последние десятки лет, столько же масштабны и глубоки, что для точного их осмысления и обоснования политической науке понадобится, бесспорно, еще изрядно много времени.

Глава 2 Проблемы и перспективы взаимодействия России и США

2.1. Развитие российско-американских отношений

В истории взаимоотношений Россия и США оба государства являлись союзниками четыре раза, в том числе в период Первой и Второй Мировых войн. В биполярном мире, который сложился после Второй Мировой войны, после победы в 1945 году, союз распался и сотрудничество сменилось на противостояние. Данный период, который в истории называется «холодной войной», можно охарактеризовать как глобально противоборство идеологий. Была борьба двух систем, которые отличались по социально-экономической модели. Крупнейший геополитический конфликт мирового масштаба со

всеми вытекающими последствиями, борьбой за территории и влияние, гонкой ядерного и обычного оружия.

Лишь после распада СССР и окончания холодной войны, было провозглашено открытое сотрудничество и взаимодействие России и США. Но многие считают это партнёрство фальшивым, что в свою очередь доказывается рядом веских причин. Одна из таких причин, что для сотрудничества не было создано эффективных институтов взаимодействия, которые бы выполняли связующую роль в постепенной интеграции и перехода от соперничества к союзу двух государств. Торговый оборот крайне слабо развит, поэтому говорить о глобальных торгово-экономических отношениях на тот момент было бессмысленно. Зато осталось неизменным это ядерное устрашение, каждой из сторон требовалось менее семи минут, чтобы уничтожить противоположную сторону.

Запад считает себя победителем в «холодной войне». США и НАТО как победившая сторона, расширила свое влияние на ряд стран бывших союзных республик СССР. На применение одностороннего военного вмешательства в ряд стран такие как Косово, Ирак, Афганистан и др., Россия ничего не смогла противопоставить.

Более того после распада СССР, современной России досталось лишь половина территории, сокращение населения в два раза, половина ВВП, после чего наступил экономический кризис. Как утверждают статистические данные двадцать процентов русского этноса оказались за пределами России.

Российско-американские отношения на протяжении взаимоотношений имели характер противоречивости и нестабильности. Постсоветский период является подтверждением данного утверждения. Новообразованная Российская Федерация, а именно руководство после распада СССР наивно подошло к вопросу международной политики, а именно к вопросу развития и сотрудничества с США [Рябков С. В., 2014, с. 4].

Начало 90-годов для России ознаменовало приход к власти политиков либеральных взглядов. Либералы ожидали, что после уничтожения СССР

появится возможность для создания новых условий сотрудничества с США и перехода к новому партнёрству с Западом в целом. В короткий период, в начале взаимоотношений, поддерживалось это ожидание.

Вся система международных отношений была построена на теоретической и практической базе Западных институтов развития, участником которых, Россия не являлась. Соответственно это отразилось на месте России в глобальной политике в начале 90-х до начала 2000-х.

В феврале 1992 г. президент России Б. Ельцин совершил первый официальный визит в Вашингтон. В ходе переговоров, была подписана Декларация о новых отношениях между РФ и США. Данная декларация провозгласила, что отношения между двумя державами будут строиться на принципах:

1. Дружба и партнёрство, взаимное доверие. США и РФ не рассматривают более друг друга в качестве потенциальных противников.
2. Устранение остатков враждебности периода «холодной войны», в т. ч. сокращение стратегических арсеналов.

В документе раскрывается о влечении России и США создать «новый союз партнёров». Были установлены новые ветви развития между двумя державами, а также переход от обычного сотрудничества к многогранному развитию как союзники.

Уже в июне 1992 года Б. Ельцин посетил Вашингтон Вторично. На данной встрече была подписана Хартия российско-американского партнёрства. Она подтверждала и конкретизировала предыдущую подписанную декларацию о сотрудничестве. Более широко раскрыты вопросы взаимоотношений в сферах безопасности и экономического развития. Но стоит заметить о упущении в последней Хартии о «новом союзе партнёров». Новое, что было оговорено, это принципы, которые должны быть заложены в основу российско-американских отношений. Это первый случай российской истории, когда документ определял внутренний государственный строй и дела России. Регламентировалось положение о демократии, свободы,

защиты прав человека, уважение всех меньшинств, в том числе национальных.

22 июня 1994 г. министр иностранных дел России А. Козырев подписал рамочный документ программы «Партнерство ради мира». Этот договор был предложен странам НАТО организацией Варшавского договора. Благодаря этому договору Россия официально стала участницей данной программы. В мае 1995 г. В Брюсселе состоялось подписание Индивидуальной программы партнерства РФ – НАТО и документа «Области широкого, углубленного диалога и сотрудничества между Россией и НАТО». В 1996 г. российский миротворческий контингент был развернут в Боснии и Герцеговине.

Можно согласиться с мнением российского исследователя Т. Юрьевой. Взаимоотношения России и НАТО на начальном этапе не рассматривались в качестве самостоятельного направления и представляли собой лишь производную решения задач отхода от блокового противостояния времен холодной войны и закрепления наметившейся в конце 1980-х гг. тенденции к поддержанию глобальной и региональной стабильности мирными средствами. Данное обстоятельство придавало российской политике в отношении НАТО черты противоречивости и непоследовательности. С одной стороны, российская сторона выражала готовность к сотрудничеству с НАТО, с другой стороны, акцентировала внимание на нежелании вступать в эту организацию и призывала НАТО выстраивать с отношения с Россией как с равнозначным центром силы, фактически не представляя таковой. В 1995 г. российское руководство критически отнеслось к использованию вооруженных сил НАТО против воинских подразделений боснийских сербов

Страны НАТО не хотели принимать Россию в свои ряды. Организация Североатлантического договора создавалась для безопасности на европейской территории, и она не была готова на отражении атак с Азии. В случае вступления России в НАТО, пришлось бы разрабатывать новую программу для безопасности. Так в феврале 1992 года госсекретарю Дж. Бейкеру и Б. Ельцину не удалось договориться о создании союзнических

отношений между Россией и США из-за отказа США. Дж. Бейкер объяснил это тем, что для достижения этой цели необходим переходный период [Кременюк В. А., 1997, с. 53].

Решение от января 1994 г. принятым НАТО о расширении, сначала не было проблемой в отношениях России и Альянса. Наоборот, в сентябре 1993 г. Б. Ельцин и МИД России утверждали, что не будут против появления в Организации Североатлантического договора государств восточной Европы. Власти не воспринимали это как существенную угрозу безопасности страны. Каждое государство имеет право на обеспечение своей безопасности, так утверждало правительство. Также они обращали на продуктивность этих стран вступления в НАТО, но без подключения России к деятельности организации.

Однако часть военной элиты были взволнованы действиями Альянса. Е. Примаков, занимавший тогда пост главы Службы внешней разведки, утверждал о расширении НАТО к границам России как о упадке безопасности, угрозе российских интересов и выступал против поддержки США в этом вопросе

Президент России вынужден был прислушиваться к мнению силовых структур. Политика Б. Ельцина резко изменилась, все его заявления были переориентированы. В декабре 1994 г. министр иностранных дел РФ А. Козырев по распоряжению президента отказался подписывать документы о двухсторонних взаимодействиях России с Организацией Североатлантического договора. Это случилось на Совете НАТО и явилось своеобразным протестом против расширения. С 1994-1995 г. Россия стала не поддерживать страны, входившие в НАТО или только изъявившие желание вступить. Россия предлагала сохранять нейтралитет стран Восточной и центральной Европы, а также предлагала гарантии безопасности и наличие связи с странами членами СНГ. Точно такие же гарантии по сохранению безопасности и предлагало НАТО. Страны, еще не определившиеся с выбором, оказались в неловкой ситуации. С одной стороны, мощь США и ее

лидерство в Альянсе, с другой еще не утерянные и не забытые связи с Россией, но ее экономическая ситуация не показывала дальнейшей хорошей поддержки странам Восточной Европы. Выбор был очевиден, но он затягивался с ожиданием новых выгодных предложений от обеих сторон.

В марте 1995 года Б. Ельцин выступил с заявлением о препятствии расширению НАТО. Правительство предлагала пойти на расширение в рамках СБСЕ (ОБСЕ) и на базе этой организации строить свою безопасность.

Российские предложения не поддержали в странах Северной Америки и Европы. Альянс по-прежнему желал увеличения стран участников. В 1995 г. структуры НАТО приняли решение о сохранении с Россией политического диалога, но полностью не воспринимать ее пожелания о создании общеевропейского единого механизма безопасности. Однако Альянсу пришлось, несущественно, но уступить России. Было дано обещание о осуществлении расширения постепенно. Что конечно же не облегчало беспокойства в России.

В России же понимали о невозможности препятствовать расширению. Начался поиск решений. Осенью 1996 года руководители Совета безопасности РФ (И. Рыбкин и Б. Березовский) внесли свое предложение о подключении России к политическим структурам НАТО. Такой вариант был не одобрен большинством депутатов Государственной думы. Они считали единственным верным решением начать усиление военного присутствия в бывших странах СССР. А также ускорить военный потенциал страны. Именно тогда в конструкторских военных бюро появились новые заказы на изготовление новых видов стратегического вооружения и модернизации уже имеющихся. Так в начале 1997 года в нижней палате российского парламента возникло вне фракционное объединение «АнтиНАТО».

Е. Примаков сменил А. Козырева и стал новым министром иностранных дел РФ. Он также поддерживал парламентариев и разделял их мнение. В декабре 1996 года он выступил против приближения Альянса и ее

инфраструктуры к границам России за счет вступления в Альянс стран Балтии и бывших территорий СССР [Гриневский О. А., 2003, с. 212].

Даже либеральный спектр РФ критически оценивал расширение НАТО. «Большой ошибкой» именно так назвал политику Альянса глава Администрации президента РФ А. Чубайс. Он рассуждал, что это приведет к изоляции России и выражает недоверие со стороны США и ее союзников к проводимым реформам российским правительством. Ведь Россия встала на путь демократии. Что не устраивает США? Они наоборот должны помогать и поддерживать Россию.

Но страны НАТО выбрали расширение вместо сотрудничества. И чтобы как-нибудь успокоить русских и показать, что готовы идти на компромисс, было дано обещание не размещать ядерное вооружение в новых странах Альянса, а также частично сократить обычные вооруженные силы.

Что касается мнения со стороны США, то администрации Билла Клинтона план по расширению НАТО казался трудноосуществимым, однако его реализация началась. Большинство его сторонников придерживалось мнения о постепенном росте участников Альянса в долгосрочной перспективе. Однако были и сторонники мгновенного расширения, среди которых и сам президент.

Следовательно, можно предположить, что равноправного союза между Россией и США не могло быть. Возможно, для США Россия была как младший партнёр, сотрудничество с которым было посредственной целью для сверхдержавы. Дальнейшее развитие будет формироваться в зависимости от проведения внутренних реформ России, и поведения на мировой арене. Оценку всех действий будут давать США, что подтверждала договоренность в 1992 году на один год режима наиболее благоприятного устройства в торговле между странами. По сравнению с другими государствами подобное соглашение было на постоянной основе, решение принимал американский конгресс. Таким образом США получили возможность оказывать давление на Россию угрожая отменить в любое время сотрудничество о торговле.

Причина изменения февральской Декларации 1991 года, объясняется, что к июню 1992 года была решена одна из важнейших проблем беспокоящая США. Вашингтон требовал от России недопущения появления ядерного вооружения у Украины, Белоруссии и Казахстана, на территории которых оставалось ядерное вооружение, которое сохранилось с советских времен. Правительство России разделяло данное мнение, она не могла допустить утечки атомного оружия и технологий его производства.

Совместное давление со стороны России и США обязало Украину, Казахстан и Белоруссию вступить в клуб и подписать Договор о нераспространении ядерного оружия в качестве безъядерных стран. России как правопреемница СССР вывезла ядерное оружие и средства доставки к себе на территорию, данной положение никем не оспаривалось. Проблема для США о ядерном вооружении в странах бывших республиках СССР была решена, и сотрудничество со теряющей позиции Россией стало не важнейшим вопросом.

В конце правления администрации Д. Буша - старшего было заявлено о возможности расширения НАТО на восток. В последующем для Б. Клинтона, расширение альянса стало важнейшим приоритетом во внешней политике.

В сравнении с неравномерными российскими-американскими отношениями, сотрудничество в сфере ядерного сдерживания и безопасности. Были подписаны договора: в январе 1993 года СНВ-2 (сокращение стратегических вооружений), заглядывая вперед стоит отменить о СНВ-3, который был подписан в 2010 году. Стороны постоянно отмечали, что существует острая угроза распространения ядерного оружия. При большом количестве конфликтов в современности, двум государствам с наибольшим запасом ядерного арсенала, стоит контролировать данную сферу во всем мире.

Однако стоит отметить, что другие вопросы касающиеся создания и размещения в Восточной Европе систем ПРО, приоритет международного права, расширения НАТО и его действий на Балканах, а также признание

независимости Косово и ряд других важных проблем, в том числе и место ООН в современном мире. Все эти пункты являлись спорными в отношении российско-американских отношениях [Зевелев И., 2002, с. 78].

К концу 1990-х годов об отношениях между Россией и США можно говорить о начавшемся кризисе в отношениях. В 1997 году Б. Клинтон подписал директиву, которая ставила задачу перед стратегическими ядерными силами сохранить возможное нанесение ядерного удара по важнейшим военным и гражданским позициям России. Данное заявление было сделано по причинам различия в мировоззрении на устройство мировой модели.

В связи с новой глобальной угрозой перед человечеством – международного терроризма, российско-американские отношения развернулись на совместное сотрудничество. США высоко оценили активные действия России по борьбе с терроризмом. Она перестала сравниваться с угрозой для безопасности Америки.

12 сентября 2001 года известная французское издание Le Monde выпустило статью, написанную Жаном-Мари Коломбани (Jean-Mary Colombani). И основная концепция данной статьи, заключена в короткой фразе, которая вызвала отклик во всем мире. Фраза звучит так: «Все мы – американцы».

Правительство России не осталось в стороне и выразило свои соболезнования и настрой единства с жертвами насильственного действия террористов на Нью-Йорк.

События, которые происходили в течение 10 лет после 11 сентября, приводят нас к двум важным вопросам. Первый вопрос – это какие основные события и факторы повлияли на резкое ухудшение двусторонних отношений?

Второй, сможет ли США выйти из катастрофически тяжелой ситуации связанной с утратой влияния на Ближнем Востоке?

Безусловно в российско-американских отношениях непродолжительное время существовал период сотрудничества, он совпал с одновременным

началом президентских сроков Дж. Буша мл. и В. Путина. После терактов 11 сентября президент России один из первых членов глав государств, кто выразил слова поддержки США. Россия оказала поддержку во время первого ввода войск в Афганистан осенью 2001 года. На рубеже 2001 и 2002 года могло показаться что между президентами существует уже личная дружба.

Хотя тот предел был завышен, и главы стран так и не смогли справиться с большим количеством возникших проблем и инцидентов. Коалиция между Вашингтоном и Москвой к которой стремился Б. Ельцин, а также возможную дружбу между Бушем и Путиным уничтожило пламя Иракской войны (приложение 1).

Упадок связей между США и Россией продлилось на фоне становления стычек на Балканах и в Грузии. В двух происшествиях США и Россия встали по различные стороны конфликта.

А с возникновением гражданской войны в Сирии противоборство между Вашингтоном и Москвой вошел в свою острую фазу.

Собственно, тогда американским и российским политикам нужно было сделать свой выбор с личными ценностями и политикой, которая предписывала оказать содействие свершению их целей [Фокин Е. И., 2014, с.78].

Несогласия между Москвой и Вашингтоном по проблеме стычки в Сирии обладали непомерно суровые, совсем спонтанные и вполне достаточные результаты, воздействовавшие на уважение и оценки лидеров двух держав.

Итоги выборочных опросов, проводимых по всему миру в течении долгого времени, обнаруживались схожими, несмотря на это американские СМИ не желали признавать данные.

Оказалось, что Владимиру Путину получилось стать самым эффективным политическим деятелем в мире, а оценки президента Обамы, между тем, понизились, точно так же, как и показатель воздействия Америки в мире и в частности – на Ближнем Востоке.

Основной проект президента В. В. Путина касательно сирийского конфликта, вероятно, содержалась в том, чтобы удержать древние и узкие взаимоотношения, воцарившиеся несколько десятков лет назад между Советским Союзом и основоположником семьи Асада, Хафезом Асадом.

Подытоживая все выше сказанное, следует отметить, что главные особенности в российско-американских отношениях за период с 1991 по 2001 год это переход от бывшего соперничества к взаимному сотрудничеству, но не во всех сферах и равных правах. Обе страны делали навстречу друг другу шаги и различные жесты, тем самым показывая серьезность своих намерений на дальнейшие тесные связи. В 2001 году специалист по России Майкл Макфол советовал президенту Дж. Бушу млад. привлечь Россию на свою сторону и объединиться против быстро растущего в геополитическом плане Китая.

Похожие идеи были у российской стороны. Еще одной особенностью можно считать, как Россия поддержала США после террористической атаки 11 сентября. Сотрудничество продолжалось и далее, если бы не ряд действий, которые разрушили все сложившиеся контакты. Это выход США из Договора по ПРО, который состоялся в июне 2002 года [Фёдоров Ю. М., 2006, с. 78].

Достаточно неприметно для общества в феврале 2015 года в США выпущена последняя Стратегия государственной безопасности. Этот документ обновляется каждые 3-5 лет и охватывает американскую оценку главных опасностей собственной безопасности и технологий обороны национальных интересов за границей. Хотя стратегия редко, когда пророчествует действие США в конфликтах и переворотах, ее пристально исследуют, с намерением разгадать, как Вашингтон лицезреет иерархию опасностей своей сохранности на кратчайшие годы. Одни государства этот документ исторически вынуждал волновать, иных – делать приготовления к пристальной заинтересованности со стороны США. В России американскую политику постоянно принимали как документ лицемерный, предполагая, что

деяния Вашингтона в каждой обстановке случится конъюнктурными, самолюбивыми и однобокими.

Различие между Москвой и Вашингтоном в том, что материковой России необходимо значительно больше определенности в связях с соседями, в то время как США, мореходной державе, развязаны руки. Собственно, вследствие этого российские доктринальные бумаги по внешней политике конкретизированы, длительны и серьезны, а американские – не всегда отчетливые, идейно заряженные и экспансивные. В отличие от России, США позволяют опыты во внешней политике и зачастую устанавливают перед собой недостижимые цели вроде демократизации Ближнего Востока, искоренения терроризма и так далее.

Последняя американская Стратегия национальной безопасности превосходит количеством оптимизма. Особо на фоне безнадежных и беспокойных свидетельств 2002 и 2006 года. Политика направлена на потенциал, а не на риск и не предполагает происхождения в ближайшей перспективе очень трудной для США проблемы ни в одной из охватов интернациональной конкурентной борьбе. Если бывшие стратегии этого века исходили из базисной неопределенности интернациональных угроз, в свежем документе указываются пять главных глобальных направленностей, устанавливающих перспективу мира. Такое положение вопроса – заявление на продолжительное целеполагание.

Во-первых, помечается перемена равновесия мощи среди великих держав. США уделяют особый интерес деятельности «группы двадцати», а также отдельным стратегиям Индии, Китая и России.

Во-вторых, Вашингтон резюмирует умножение хрупкости и непостоянности стран в Европе, Азии и на Ближнем Востоке. В особенности тех, где правительство неэффективно, а требования народонаселения все возрастает.

В-третьих, помечается увеличение финансовой, научно-технической и общественно-политической взаимозависимости прогрессивного мира. С

одной стороны, это освобождает преграды на дороге экономического подъема, с другой – готовит государства ранимыми для трансграничных опасностей терроризма, страшных эпидемий, нелегального трафика и кибератак.

В-четвертых, в качестве самостоятельного мега тренда документ закрепляет непостоянность на Ближнем Востоке, стимулированную войной в Ираке и событиями «арабской весны». На кратчайшую перспективу регион остается основой угроз, основные из которых – исламский радикализм, непостоянность, гражданские и местные войны.

Заключительная назначенная склонность – оживленные смены на всемирном энергетическом рынке. Новоиспеченные моменты условий – лидерство США в промысле нефти и газа, понижение их подвластности от ближневосточных залежей и продвижение альтернативной энергетики. Ведущий всемирный пользователь энергоресурсов, США намереваются и в дальнейшем удерживать свое воздействие на ценообразование. Особо помечается, что сходной стратегии держится и Россия в Европе, правда, Москву за это нескромно осуждают [Иванов С. М., 2017, с. 14-24].

Показанные направленности отличаются как участок, где США могут проявлять только не прямое воздействие. Не обращая внимания на лидерское состояние в мире, даже Вашингтон урезан в собственных потенциалах. Для американской внешней политики это удивительное расценивание, значительно больше подходящее действительному расположению дел, чем прошлые подходы США.

При данном Вашингтон не колеблется, что для сбережения первенствующего начала в мировой экономике ему нужно продолжать направлять за собой совместный Запад. С тем чтобы это выходило без проблем, стратегия вырабатывает упор на мирный темперамент американской политики и отступление от деятельности времен Джорджа Буша-младшего.

В ближайшей возможности США не предугадывают широкой войны со собственным участием ни в Северной Америке, ни в Европе, ни в Азии. Между основных угроз безопасности государства отделяются атака на территорию США и их первостепенные инфраструктуры, в том числе интернет; опасность жизни американских жителей и союзников за пределом; всеобщий финансовый кризис и распространение оружия массового поражения.

Областные ценности американской стратегии на кратчайшие годы не изменяются: «поворот на Азию», упрочение союза с Индией и образование Транс-тихоокеанского торгового партнерства (ТТП). Возможности последнего чрезвычайно неясны, что отпечатывается в стратегии: как известно, что совсем недавно было совершено внезапно подписано данное соглашение. 4 Февраля в 2016 году 12 стран поставили подписи о начале нового партнерства.

В документе передается доскональное изображение ценностей США на Ближнем Востоке. Основной целью политики Вашингтона провозглашается отдаление от непосредственного военного вмешательства в процесс региона при опоре на вооруженные силы американских сторонников: Израиля, Иордании, стран Персидского залива. Компромиссные слова адресованы Ирану: высказывается вера на успех договора по проблеме о его ядерной программе. США впервые свидетельствуют на значимость урегулирования регионального суннитско-шиитского противоборства. Раньше это было затруднено однозначной американской поддержкой государств суннитского блока. Приоритетом окрещена борьба с ИГИЛ в Ираке и Сирии, а также с Аль-Каидой в Йемене. Соглашение гражданских столкновений в Сирии и Ливии рассматривается как их внутреннее дело – США не рассчитывают энергетически содействовать какой-то из стран.

Стоит отметить отличительную особенность в подходах Вашингтона к КНР и России. В документе приветствуется миролюбивое увеличение «стабильного и ответственного» Китая. США ориентируют на

нежелательность столкновения с Пекином, но готовы к ней в случае, если Китай пойдет «за флажки» сформировавшейся в Азии организации безопасности. При этом рассказывается, что Соединенные Штаты станут осуществлять наблюдение модернизации армейских сил КНР, с намерением «исключить риск взаимного непонимания и неверного расчета».

Как раз подобный «неверный расчет» стал началом осложнений в украинском кризисе, но выключать опасность непонимания в связях с Россией США не устремляются. Из документа вытекает, что Вашингтон на должном уровне осознает логику российских поступков и предпочел наилучшее средство реагирования. Это свидетельствует на то, что США не наблюдают варианты давления на Москву. В стратегии первый раз во всех подробностях описывается закономерность международных санкций как действенного способа принуждения. При этом Вашингтон желает пропустить положение дела, в которой Россия и США сделаются стратегическими противниками на XXI век: в документе обрисованы пути выхода из кризиса. Применительно им, на уступки обязана податься Россия. Одновременно с этим докладывается, что Соединенные Штаты станут оказывать поддержку Украине, Молдавии и Грузии, но равным счетом в том размере, который даст возможность не вовлечься в непосредственный военный конфликт с Москвой. Это предполагает установление отречения от гарантий безопасности перечисленным государствам. В общем, в лишении новых мыслей российско-американское противоборство растянется на обозримую перспективу [Богомолова Т. Ю., 2015, с. 354].

В завершение США выставляют преимущество развития интернациональной налаженности, предпринимавшей в основную очередность на началах устава ООН. Хотя затруднение в том, США сами обязаны соблюдать данные правила, а не интерпретировать их в зависимости от контекста. До сих пор политика Вашингтона не приносила образцов опасения вопросами устойчивости дальних регионов или нейтралитета во

внутренние процессы стран. Это не разрешает понимать американскую политику как действие настоящего мирового лидера.

Тем не менее Стратегия национальной безопасности 2015 года – в наибольшей степени сложившийся доктринальный документ США за последние 15 лет. Администрация Обамы извлекла морали из оплошностей собственных предшественников и попыталась не натворить собственных – правда, неудачно. Барак Обама вывел войска из Афганистана и Ирака, отложил на 2-ой план Грузию, урезал американское отношение в инциденте в Ливии и разыскивал повод, чтобы не вмешиваться в сирийский конфликт. Даже на Украине США ведут себя чрезвычайно осмотрительно. Стратегия США в украинском кризисе была бы значительно более враждебной, если бы не болезненная практика инцидентов последних 15 лет. Несомненно, бесспорная работа над промахами видна сразу.

2.2. Сотрудничество России и США в рамках решения мировых проблем

По завершении холодной войны Россия и США добились огромного продвижения в уменьшении своих ядерных арсеналов. Хотя, трудности, появившийся в ходе подготовки к ратификации Федеральным Собранием РФ Договора СНВ-2, устанавливают положительные препятствия на пути этого движения. Было бы оплошностью надеяться, что эти проблемы сделаны исключительно Государственной Думой. Соглашение является предметом грубой оценки со стороны многих российских специалистов, считающих, что он обладает рядом несовершенств, которые не только отдают США значительные выдающиеся качества при проведении уменьшений стратегических наступательных вооружений (СНВ), но и ведут к нарушению принципа равной безопасности [Данилов Д. А., 2015, с. 85-99].

Жажда США получить ограниченные преимущества при проведении уменьшений СНВ вполне очевидны. США хотели бы застраховать себя от

вероятного, с их точки зрения, негативного становления событий в России. Вследствие принятия выводов на политическом уровне, США выдалось унаследовать документ, дающий им значительные преимущества. Однако, в администрации Президента Клинтона, по-видимому, понимали, что для оснащения установления договора Государственной Думой, американской стороне необходимо согласиться с внесением в него ряда изменений. Подтверждением этому предназначаются хельсинкские договоренности и подписанный 26 сентября 1997 г. Протокол к Договору СНВ-2. Эти документы не только смещают срок исполнения этого Договора с 1 января 2003 г. на 31 декабря 2007 г., но и объединяют начало переговоров по последующему этапу уменьшений с установлением Договора СНВ-2 Россией.

Вместе с тем, анализ Договора СНВ-2 не обозначает, что российское общество перечит, напротив за воплощение последующих шагов по уменьшению ядерных вооружений. Мысль достижения более низких ступеней стратегических вооружений весьма популярна в России. При этом присутствует понимание того, что в рамках будущего Договора СНВ-3 было бы целесообразно выйти на более низкие значения, чем это было согласовано в Хельсинки, вывести вероятность получения односторонних преимуществ, и обход достигнутых договоренностей.

В данной работе проверена ситуация, сформировавшаяся в процессе уменьшения СНВ, пересмотрена роль ядерного оружия в политике РФ и возможности российского военно-промышленного комплекса по поддержанию стратегических ядерных сил. С учетом проведенного анализа предложены обстоятельства и параметры следующего этапа сокращений СНВ, согласование которых с американской стороной могло бы предварять ратификацию Договора СНВ-2.

Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП) был подписан президентами США и России на саммите в Москве, 24

мая 2002 г. Данному мероприятию предшествовали почти шесть месяцев напряженных двухсторонних переговоров между экспертами России и США.

Хотя, с юридической точки зрения, заключенный документ и является Договором, подлежащим ратификации Федеральным Собранием России и Сенатом США, де-факто он выступает лишь в роли фиксации односторонних заявлений, совершенных президентами на ноябрьском 2001 г. российско-американском саммите в США. Главный минус документа состоит в том, что его заявления могут быть истолкованы по-разному, поскольку в нем не обсуждены основные определения и описания. Документ также не рассматривает операции ликвидации сокращаемых вооружений и верификации этого процесса [Крутаков Л., 2014, с. 28].

В частности, страны условились "понизить ступени собственных стратегических ядерных боезарядов до 1700-2200 единиц", но, судя по всему, так и не добились соглашения в нахождении что пересчитывать "стратегическим ядерным боезарядом", а значит и в технологии подсчета боезарядов. Следует пометить, что в документе договора СНВ-1 применяется другое описание – "стратегический боезаряд". Возникновение вспомогательного определения "ядерный" в новом определении обозначает то, что российская сторона практически смирилась с трактовкой американской стороны, позволяющей выстраивать неядерные боезаряды на стратегических носителях и при этом не принимать во внимание их в совокупных степенях. Известен факт, ядерная стратегия США, обнародованная в январе 2002 г., подразумевает проводить последующие уменьшения в главном за счет разгрузки стратегических носителей и переориентирования их для решения неядерных поручений. В основе бесед по Договору СНП Россия требовала на необратимости уменьшений, что подразумевало "традиционный" метод подсчета стратегических боезарядов, – в соответствии с развернутыми носителями, – и контролируемое устранение уменьшаемых носителей. Американская сторона не умалчивала, что она хотела бы забронировать вероятность вторичного развертывания

"сокращаемых" боезарядов, если внезапно в этом появится нужда, а вследствие этого, разрушать носители она категорически отказалась.

Как выявили слушания по Договору СНП в профильных комитетах Сената США, возникнувшие в июле 2002 г., руководство США уже получило заключение, как она будет исполнять Договор. Выступая в совет по международным процессам Сената, Госсекретарь США Колин Пауэлл однозначно выделил, что США намерены принимать во внимание лишь оперативно-развернутые стратегические ядерные боезаряды. Более того, в собственном докладе перед членами Сената министр обороны США Рамсфелд дал понять, что США не хотят обговаривать с российской стороной какие-либо мероприятия проверки по исполнению последнего договора [Войтоловский Ф. Г., 2015, с. 153].

Хотя подписанная бумага и подразумевает, что содержательная сторона будет выработана и связана в рамках организовываемой "двусторонней комиссии по выполнению", но практически действие по согласованию может длиться до завершения срока действия соглашения по СНП – т. е. до 31 декабря 2012 г., потому что практически никаких дополнительных ограничений или этапности уменьшений в новом соглашении не учтено, и каждая из сторон несомненно будет сама назначать состав и устройство своих СНВ. На деле это будет значить, что провозглашенные уменьшения стратегических сил двух сторон будут достигаться за счет снижения их боеготовности. То есть, то что прежде именовалось "снижением боеготовности" теперь предлагается назвать "сокращениями" СНВ. Помимо этого, если не случится прорыва в решении задачи транспарентности сокращений, сторонам останется "верить друг-другу на слово". Однако, у США пока остается довольно эффективный механизм для того чтобы держать под контролем российский ядерный арсенал – программа "Совместного уменьшения угрозы" (Cooperative Threat Reduction Program), в рамках которой выполняется ликвидирование российских стратегических

вооружений, снимаемых с эксплуатации при финансировании американского Конгресса.

Таким образом, система исполнения Договора СНП скорее всего не являлась достаточным развитием механизма Договора СНВ, на что рассчитывала российская сторона, а предположительно стала некой "параллельной конструкцией", которая сменила механизм СНВ по завершении времени действия Договора СНВ в 2009 г.

После подачи Президентом РФ в Государственную Думу проекта федерального закона о ратификации Договора СНП осенью 2002 г. в парламенте была сформирована рабочая группа при комитетах по международным делам и по обороне, состоящая из депутатов Государственной Думы и представителей причастных министерств и ведомств. Рабочая группа создала новый текст законопроекта и попросила Совет Государственной Думы направить его Президенту РФ в качестве предложения для достижимого дальнейшего внесения в Государственную Думу с одновременным отзывом ранее направленного законопроекта. Президент РФ В.В. Путин дал согласие предложениям рабочей группы и 9 марта 2003 года передал в Государственную Думу на ратификацию новый проект федерального закона о ратификации Договора СНП. Государственная Дума приняла этот законопроект 14 мая 2003 г. большинством голосов – 294 депутата проголосовали «за», 134 – против ратификации. Ратификацию Договора Дума сопровождала двумя заявлениями: "Об обеспечении поддержания боевой готовности и развития стратегических ядерных сил РФ" и "О позиции Госдумы по вопросам сокращения стратегических наступательных потенциалов и мерах по координации деятельности органов госвласти РФ в области сокращения СНП" [Соловьев Э. Г., 2016, с. 121].

Слушания в Сенате США стартовали летом 2002 г. и Договор был единогласно утвержден 6 марта 2003 г.

На сегодняшний день, Россия готова направиться на коллективное с США ограничение ядерного оружия, потому что никогда не была

приверженцем гонки ядерных вооружений, и настроена обговаривать эту задачу совместно с вопросом отмены антироссийских санкций, если это предложит американская сторона, сообщил РИА Новости российский сенатор Олег Морозов.

Морозов выделил, что Россия никогда не пойдет "ни на какие уступки в принципиальных, базовых вещах". "Всем уже давно стало безусловно ясно, что санкции не могут принудить Россию реализовывать какие-либо условия", – сказал сенатор.

Он подметил, что нельзя анализировать высказывание Трампа о двустороннем сокращении ядерного оружия как "размен" в ответ на отмену антироссийских санкций.

"Это не обмен, а две проблемы, которые можно обсуждать вместе, тем более что Россия сама заинтересована в сокращении ядерного оружия и не раз объявляла об этом", – объявил Морозов.

При этом он подчеркнул, что сокращение ядерных вооружений должно быть транспарентным и контролируемым.

Новоизбранный президент США Дональд Трамп объявил о возможности добиться с Россией договора о сокращении ядерного оружия в обмен на снятие американских санкций, его позицию цитируют лондонская Times и немецкая Bild, которым избранный глава государства дал интервью.

Глава США Дональд Трамп в интервью британскому изданию The Times сообщил, что ядерные запасы России и США на сегодняшний день чересчур огромны, их необходимо обоюдно уменьшать или, по крайней мере, ограничивать их усовершенствование. И посодействовать подписать этот договор может обсуждение функционирующих в отношении Москвы ограничительных мер [Васильчук Е. О., 2017, с. 150].

Активные санкции были введены предшественником Трампа Бараком Обамой и продлены им же еще на один год, до марта 2018 года.

АиФ.ru цитирует данные о действующих соглашениях, относящихся к сокращению ядерных вооружений между двумя государствами.

На сегодняшний день функционирующим договором между РФ и США о мерах по последующему уменьшению и лимитированию стратегических наступательных вооружений является договор СНВ-3.

Это взаимное согласие настало на смену предшествующим: Договору о СНВ 1991 года (ДСНВ) и Договору о сокращении стратегических наступательных потенциалов от 24 мая 2002 года (ДСНП), которые предусматривали:

- сокращение численности баллистических ракет и пусковых установок;
- запрет постройки новых наземных стартовых установок межконтинентальных баллистических ракет (МБР);
- сокращение численности пусковых узлов баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ).

Договор был подписан президентами Дмитрием Медведевым и Бараком Обамой 8 апреля 2010 года в Праге и вступил в силу 5 февраля 2011 года.

Подписанный документ подразумевает ограничение и сдерживание обеими сторонами числа развернутых и неразвернутых стратегических наступательных вооружений. В соответствии с соглашением, РФ и США обязаны уменьшить количество таких установок до 700 единиц, а число ядерных боезарядов на них до 1550.

Договор рассчитан на 10 лет с вероятным продлением по обоюдной договорённости сторон на 5 лет.

Соглашение не распространяется на межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) и баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ), на их транспортно-пусковые контейнеры (ТПК) и пусковые установки, а также на тяжёлые бомбардировщики в случаях, если вооружение включено в стационарную экспозицию, применяется для обучения личного состава или пуска космических объектов. Кроме того, документ не распространяется на боезаряды, пребывающие на длительном хранении [Стент А., 2014, с. 73].

Вдобавок к ограничению числа ядерного оружия, соглашение предполагает двусторонний обмен телеметрическими сведениями, принятыми в ходе испытательных пусков. Обмен телеметрическими данными о запусках ракет выполняется по обоюдному согласованию и на равной базе не чаще чем по 5 запускам в год. Исполнять обмен сведениями о числе боеголовок и установок стороны обязаны два раза в год.

Стороны также проводят инспекционную функцию. В инспекции могут быть задействованы не более 300 человек. Списки инспекторов согласуются в течение одного месяца, после этого инспекторам вручаются двухлетние визы, и проверяющая сторона уже не может отстранить того или иного инспектора. Для любой стороны устанавливаются два пункта въезда инспекционных групп. Инспекторы, члены инспекционных делегаций и лётных экипажей, а также их самолёты пользуются на территории проверяющей стороны полной неприкосновенностью.

Согласно информации Госдепа США о ходе исполнения СНВ-3 от 1 января 2016 года, на вооружении США располагается 762 развёрнутых носителя ядерных боезарядов, у России – 526. Число боеголовок на развёрнутых установках у США – 1538, у России – 1648. В целом, развёрнутых и неразвёрнутых пусковых аппаратов МБР, БРПЛ в США – 898, в России – 877. Поскольку того что у России носителей меньше, чем учтено пороговыми значениями соглашения, она имеет право увеличивать их численность, действуя в границах СНВ-3.

В итоге, во-первых, вопреки на изменение международной обстановки после холодной войны ядерное оружие не прекращает быть значительным инструментом в проведении внешней политики. Его невозможно отменить декларативно, и, по-видимому, обстоятельства, содействующие сохранению ядерного оружия в мире, будут присутствовать еще не одно десятилетие. Тем не менее, ядерные запасы и России, и США сверхизбыточны для исполнения провозглашаемых ими стратегий сдерживания. Последующее обоюдное ограничение развернутых стратегических наступательных вооружений

позволило бы уменьшить бремя материальных и денежных расходов стран, значительно понизить вероятность несанкционированного или нечаянного использования ядерного оружия, а вдобавок и его распространения. Движение по линии будущего сокращения ядерных арсеналов содействовало бы укреплению двустороннего доверия между ведущими ядерными державами и показало бы миру их влечение к общей ликвидации ядерного оружия на планете [Рыжов И., 2014, с. 113].

Во-вторых, главным шагом в понижении роли ядерного оружия в мировой политике и в укреплении стратегической устойчивости стало бы утверждение ядерными державами не конфронтационного положения ядерного сдерживания. Новая концепция обязана вычеркнуть иницилирующие основы, которые сложились во времена холодной войны. Ядерное оружие, следовательно, должно рассматриваться как чрезвычайное орудие для обороны страны от опасности уничтожения. В выработывании новейшего обличья собственных стратегических ядерных сил Россия обязана произвести упор на обеспечения их выживаемости в любых обстоятельствах конфликта, сохранении основополагающих элементов СЯС, а также их промышленной и научной инфраструктуры.

В-третьих, задача установления Договора СНВ-2 российским парламентом представляется ключевым камнем преткновения на пути последующей демилитаризации. Невзирая на все недочеты этого соглашения, его утверждение и осуществление соответствуют российским интересам.

В-четвертых, обещания России по исполнению Договора СНВ-2 должны связываться с достижением нового договора с США по последующему этапу сокращения стратегических вооружений. В ходе исполнения последующей стадии, планировалось достичь двусторонних сокращений СНВ до уровня 1500 боезарядов к 2008 г. Для того, чтобы Договор СНВ-3 не разделил судьбы Договора СНВ-2, важно устранить ошибки в дисбалансе заинтересованностей, создавшихся в следствии предшествующих переговоров. Это представляется достижимым, если в

новом соглашении будут предусмотрены планы по ликвидации боезарядов и станций, уменьшаемых СНВ, ограничению численности развернутых ПУ БРПЛ, обеспечению необратимости переориентирования ТБ и другие четкие постановки по сокращению обратного потенциала СНВ. Показывается также важным прием в новый договор верифицируемых мер по ликвидации или ограничению ядерных КРМБ и укреплению системы транспарентности, который бы стал охватывать также область изготовления и ликвидации самих ядерных боезарядов [Ознобищев С. К., 2011, с. 50].

И в заключении, при условии, что Договор СНВ-3 будет заключен, возможности его установления и исполнения российской стороной в значительной степени станут складываться и подобными условиями, как прогресс в США средств противоракетной обороны, динамикой и нравом движения расширения НАТО и тем, как при этом станут рассматриваться кругозоры России. Также важно, чтобы российская сторона настойчиво добивалась формирования двусторонних с США договоренностей по лимитированию контрсилловых способностей обыкновенного высокоточного оружия и орудий противолодочной войны. Это становится особо злободневным, потому что в картине проблемы оснащения выживаемости СНВ могут стать главными на пути последующих более фундаментальных их уменьшений.

2.3. Сотрудничество США и России до 2023 г. ситуационный анализ

Для подробного изучения развития сотрудничества РФ и США необходимо провести ситуационный анализ.

Ситуационный анализ – это метод, предназначенный для исследования и прогнозирования отдельных конкретных международно-политических ситуаций.

Цель ситуационного анализа отношений РФ и США выявить потенциальные возможности возникновения проблемных ситуаций, а также

возможности оптимизации деятельности политических направлений в развитии и сотрудничестве двух стран.

1. Предыстория текущего политического процесса.

Российско-американские отношения на протяжении длительного времени меняли свою структуру и взаимосвязь этих двух государств.

Вторая мировая война кардинально изменила мировое пространство в экономическом, политическом и культурном планах. Новые реалии требовали от правительств всех государств изменений «правил» взаимоотношений, решения внутренних задач преодоления последствий войны и формирования концепций будущего развития в новых исторических условиях.

Во второй половине XX века все силы конструкторских бюро и институтов были направлена на создание новых видов вооружения и улучшения уже существующих. Именно системы вооружения, накопленные в это время, являлись «подушкой безопасности» в период распада СССР. Система ПВО и межконтинентальных ракет постоянно совершенствовалась и улучшается до сих пор [Малашенко А. В., 2013 с. 313].

Взаимоотношения России и США можно назвать волнообразными,

Проблема российско-американских отношений в период с 1991 по 2016 заключается в том, что в начале 90-х годов отношения изменились на сближение и сотрудничество, которые позже превратились в наместничество США над Россией. Лишь в начале нового века у России получилось избавиться от экономического и политического наместничества со стороны. Именно в это время сменилась власть, стала разрабатываться новая геополитика России уже без участия США.

2. Текущая ситуация

Многие называют текущее противостояние России и США новой холодной войной. Очень похожая ситуация происходила во второй половине XX века. Скрытые военные противостояния и демонстративный показ мощи.

НАТО играет ключевую роль в российско-американских отношениях. Североатлантический альянс является главным инструментом воздействия на

Европейский Союз. Некоторые эксперты международных отношений, утверждают, что именно США дает указания к тем или иным действиям правительству стран, входящих в ЕС.

У России главные союзники – это часть стран, которые являлись республиками СССР. На сегодняшний день, большинство данных государств – это члены организации СНГ. Проблема в том, что, оказавшись без экономической поддержки со стороны России, эти государства лучше выберут помощь США, а, следовательно, начнут подчиняться, кто держит экономику в своих руках.

Конфликт на Украине происходит и из-за конфликта России и США. Введение санкции не привило к решению проблемы, а только усугубило его. Борьба за Украину и влияние на правительство является очень важной миссией для обоих государств [Лебедев В. С., 2015, с. 201].

Ближний Восток еще одна из территорий за которую идет борьба. Решение сирийского вопроса затянулось и даже под предлогом уничтожения террористов Россия ввела войска, тем самым, оставив США в этом регионе позади. Уже известно, что российская база останется в Сирии на долгие годы. Но США не намерена оставлять этот регион без своего влияния. Существуют две коалиции в данном регионе, одна – это Россия с правительственными войсками Сирии во главе с Башаром Асадом. Вторая это США и ее союзники. На переговорах, та и другая сторона заявляют о своей главной цели – уничтожение террористической организации ИГИЛ. Но истинные цели намного обширнее, чем просто борьба с терроризмом. Существует реальное противостояние и борьба за регион.

Одной из целей в геополитике США – это захват месторождений нефти. На сегодняшний день, все человечество зависимо от продуктов переработки нефти. Черное золото прочно вошло в жизнь человека, и без него уже невозможно представить жизнь современного жителя Земли. На продуктах нефти работает большинство техники в том числе военной. Большинство пластмасс во всех современных устройствах это тоже

переработка нефти. Именно поэтому, США важно иметь как можно больший доступ в добыче и контролировать месторождения нефти.

Переговоры с Саудовской Аравией привело к тому, что обрушились цены на нефть. После резкого спада спроса, в России наступил экономический кризис, т.к. основная часть Российского бюджета составляет доход от продажи нефти [Мельник Г. С., 2017, с. 96].

С политической точки зрения США вмешивается во внутренние дела иностранных государств. Прямое или косвенное воздействие на правительство превращает зависимое государство в марионетку США. Таким образом это подымает США в лидеры мира.

Россия расширяет свои границы путем присоединения новых территорий и активно модернизирует вооруженные силы. Это помогает России без опаски отстаивать свои интересы на мировой арене. Новые исследования в области северных широт державы, дает преимущество перед США в развитии Арктики.

Военное превосходство считалось на стороне США, до введения войск России в Сирию. Армия США больше, опытнее и технически лучше армии России. Но последняя боевая операция показала новую мощь обороны России. ВС РФ применили самые последние технологии в Сирии, испытали новое вооружение, проверили личный состав в реальных боевых условиях. После вывода войск, Россия получила новые контракты на поставку вооружения за границу. Например, новым истребителем СУ-35 заинтересовались Вьетнам и Индонезия.

Важным остается тот факт, что прошедшие выборы в США стали большой неожиданностью для многих экспертов. Победу Д. Трампа восприняли неоднозначно. Ведь в своих предвыборных речах, он заявлял о налаживании отношениях с Россией. И поднятая шумиха в российской прессе, что победа Трампа положит конец соперничеству двух держав, породила громкие высказывания политических элит России.

Взаимодействие двух лидеров Д. Трампа и В. Путина на протяжении всего 2017 года, повлияют на президентскую кампанию российских выборов в 2018 году. Будущим кандидатом придется реагировать на действия Трампа на международной арене. Так 28 января 2017 состоялся разговор двух лидеров на котором обсуждалась возможность личной встречи (приложение 2). По последним данным, первая встреча двух президентов произойдет 7 – 8 июля 2017 года в [Гамбурге](#), [Германия](#), на саммите G 20.

Обратим внимание на мнение экспертов и российских политиков, на избранного Д. Трампа, 20 января 2017 года вступившего в должность президента США. Каковы были прогнозы и ставки на нового политика, еще до того, как Д. Трамп оказался в овальном кабинете.

Таблица 1

Высказывания до вступления в должность президента Д. Трампа

Дата	Автор высказывания	Цитата
7 ноября 2016	Владимир Пастухов – доктор политических наук, научный сотрудник колледжа Сент-Энтони Оксфордского университета.	"Я думаю, что в случае победы Трампа отношения будут как на "американских горках" – либо сначала вверх, а потом вниз, либо сначала вниз, а потом вверх, но никогда ровно. Я не разделяю мнения, что Трамп – это лучший для России выбор американского народа. У него бизнес-культура, а значит готовность в любой момент сыграть рискованно, когда светит прибыль. Я бы не ставил на то, что с Трампом Путину будет легко. Допускаю, что поначалу Трамп может отпустить Путину "крымские грехи" и увлечь его идеей совместной операции в пустынях Ближнего Востока. Но все будет хорошо, пока Путин не споткнется о какой-нибудь камень. Тут Трамп ждать не будет и подтолкнет "партнера" в пропасть, не задумываясь"
9 ноября 2016	Николай Злобин – директор российских и азиатских программ Института мировой безопасности	"Трамп – это такая русская рулетка. Это звучит забавно, но в его возрасте и при его раскрутке, Трамп очень начинающий политик. В России много экспертов по Клинтон. Это те, кто с ней работал, вел переговоры, анализировал, спорил, кто с ней знаком. А вот с Трампом российские политики не знакомы совсем. Трамп может привнести во внешнюю

		<p>политику стиль отношений бизнеса, где выгода и прибыль будут важнее, чем выстраивание долгосрочных отношений.</p> <p>Америка – это тяжелый ледокол, который разворачивается очень медленно. И сегодня этот ледокол отплывает от России в другую сторону.</p> <p>Трамп может попытаться его повернуть, но инерция колоссальная. Он может сделать какие-то показательные шаги. Например, сделать какое-то заявление или встретиться с Путиным, или послать в Москву какую-то делегацию.</p> <p>Но сомневаюсь, что Трамп сможет реально повернуть этот корабль так, чтобы мы все это заметили и ощутили, грубо говоря, в первые 100 дней после выборов.</p> <p>Важно понимать, что конгресс США настроен очень антироссийски. А в США он имеет серьезное влияние на внешнюю политику. Посмотрим, что из себя будет представлять новый к президент США не бу</p> <p><i>Продолжение таблицы 1</i></p> <p>руки в вопросе выстраивания отношений с Россией"</p>
09 ноября 2016	В.В. Путин	<p>Мы слышали предвыборные заявления еще кандидата в президенты США, которые были направлены на восстановление отношений между РФ и США. Мы понимаем и отдаем себе отчет, что это будет непростой путь, с учетом той деградации, в которой, к сожалению, находятся отношения между РФ и США. И это, как я уже многократно говорил, не наша вина, что российско-американские отношения находятся в таком состоянии. Но Россия готова и хочет восстановления полноформатных отношений с США. Исходим из того, что это будет непростой путь, но мы готовы пройти свою часть.</p>

Судя по высказываниям, мнения насчет избранного президента разделились, одни считали, что ничего позитивного для России нет, другие же наоборот уверены о создании новой ветки сотрудничества.

Теперь рассмотрим историю высказываний г-на Д. Трампа. На временной ленте, видно изменение мнения Д. Трампа, начиная с стремления подружиться с Путиным и Россией, заканчивая выдвижением требований о возвращении Крыма и отказе от отмены санкций против России.

Таблица 2

Высказывания Д. Трампа о России

Дата	Цитата
Июль 2015	«Я думаю, что буду отлично ладить с Владимиром Путиным. Я просто так думаю», – Д. Трамп.
Октябрь 2015	«Вряд ли у нас будут такие проблемы, как сейчас», – Д. Трамп.
Декабрь 2015	В ответ на комплимент Путина, Д. Трамп ответил: "Это всегда большая честь, когда тебя хвалит человек, столь уважаемый в своей собственной стране и за рубежом. Я всегда считал, что вместе Россия и Соединенные Штаты смогли бы победить терроризм и восстановить мир. Также мы могли бы торговать друг с другом, не говоря уже о других выгодах, вытекающих из взаимного уважения". В это же время, в интервью MSNBC, во время которого журналист сказал, что Путин якобы убивает журналистов, Трамп ответил: «Он управляет своей страной, и он все-таки лидер, а не то, что в нашей стране". "Думаю, наша страна тоже много кого убивает", – добавил он.
Февраль 2016	«У меня с ним нет никаких отношений кроме того, что он назвал меня гением. Он сказал, что Дональд Трамп гений и что он станет лидером партии и станет лидером мира, или что-то в этом роде. Кроме того, ведь было бы хорошо иметь хорошие отношения с другими странами. отношения с Путиным. То есть, кто знает», – <i>Продолжение таблицы 2</i>
Апрель 2016	«Если мы сможем сделать для нашей страны такую замечательную вещь как поладить с Россией, это было бы потрясающе, я бы очень хотел попробовать», – Д. Трамп.
Начало июля 2016	После критики в СМИ России за свою операцию в Сирии. Д. Трамп заявил: "Я бы вел себя с Владимиром Путиным твердо, но я не могу даже вообразить, чего бы я хотел добиться больше, чем дружественной России, а не как сейчас". Тогда же он сказал, что не намерен требовать, чтобы Путин не вмешивался в проведение выборов в США. "Я не буду говорить Путину, что делать. Зачем я буду говорить ему, что делать? Почему я должен проявлять твердость по отношению к Путину? Я не знаю ничего, кроме того, что он не уважает нашу страну", – сказал он. Д. Трамп также подчеркнул, что американо-российские отношения улучшатся в случае его победы на выборах. "Президент Трамп поможет американо-российским отношениям", – сказал он, добавив, что "они не могут быть хуже".
Конец июля 2016	После обвинения Вашингтоном российских хакеров во взломе серверов Демократической партии. Д. Трамп заявил: «Россия, если вы слышите, я надеюсь, вы найдете 30 тысяч исчезнувших емейлов».
29 января 2017	«Что касается санкций, пока рано об этом говорить», – Д. Трамп
14 февраля 2017	Д. Трамп: «Ожидаю, что российское правительство начнет деэскалацию конфликта на Украине и вернет Крым, – заявил он. «Крым был взят Россией во время пребывания у власти администрации Барака Обамы. Был ли Обама слишком мягок к России?»

Согласно высказываниям, можно сделать вывод о том, что до вступления в должность гн. Д. Трамп был готов идти на диалог с Россией, отменить санкции и даже подружиться с В. В. Путиным. Его слова касательно политики в отношении Москвы можно считать политическим

трюком на выборах в президенты. Д, Трамп занял противоположную позицию от своего оппонента Хилари Клинтон, и он показывал, что может быть жестким политиком по сравнению с Бараком Обамой. Но после избрания и вступления в должность риторика Дональда Трампа поменялась на более агрессивную и порой доходила до обвинений в адрес правительства России и лично В. В. Путина.

3. Диагностика политической ситуации

Отношения России и США носят скачкообразный характер. После второй мировой войны до середины 80-х годов отношения России, а на тот момент СССР и США не менялись. Были определенные моменты затишья и паузы в гонке вооружения, но не на долгий период, поэтому однозначно назвать именно данный промежуток времени как стабильный в отношениях невозможно. В отличие от периода с 1991 года по нынешний день. Отношения России и США строились по-разному, иногда кардинально меняясь за короткий период времени. На данный момент отношения между Россией и США находятся в режиме затяжного конфликта. Основная причина конфликта – это внешнеполитические факторы обеих держав.

Главнейшая угроза для мира это начало ядерной войны, особенно между Россией и США, потому что данные страны обладают огромным количеством ядерных боезапасов и средств доставки. Начало применения двух стран ядерного вооружения мало вероятно, так как приведет почти к полному уничтожению человечества, но уже сегодня можно смоделировать последствия удара одной бомбы «Кастл Браво» (для справки, стратегический бомбардировщик b-52 может нести на своем борту до 2 ракет) на Москву. (приложение 3)

4. Прогноз развития политической ситуации

Предугадать взаимодействие России и США довольно сложно. Дальнейшее развитие российско-американских отношений возможно по следующим сценариям:

Сценарий 1. Позитивный. Д. Трапп сдержит свои предвыборные обещания и Российско-американские отношения начнут улучшаться. Подразумевает собой двустороннее сотрудничество: отмену санкций и мирное урегулирование Украинского кризиса и Сирийского конфликта, а также совместное решение проблемы цен на нефть. Мирное партнёрство приведет к запуску новых проектов и возобновление старых. Параллельно Москва и Вашингтон могут попытаться развивать стабилизирующие экономические связи.

Например, освоение Арктики и развитие Северного морского пути. Для достижения данного сценария необходимо осознание с обеих сторон, что решение проблем невозможно без взаимного сотрудничества. И России, и США необходимо идти на компромисс.

Сильные стороны данного сценария:

1. Начало тесного экономического и политического сотрудничества.
2. Экономический подъем России и США.
3. Совместное решение экологических проблем.

Слабые стороны сценария:

1. Уступки сторон ради сотрудничества.
2. Малая достижимость сценария.
3. Большая вероятность возвращения к эскалации конфликта.

Кандидатам в президенты России на выборах в 2018 году, в своей предвыборной программе в разделе международной политики, придется рассмотреть США как союзника.

Сценарий 2. Стагнационный. Отношения России и США останутся неизменными. Даже если вновь избранный президент Д. Трап будет пытаться изменить отношения России и США, политическая элита и бизнес структуры не дадут сделать этого в угоду своих интересов. Данный вариант предусматривает в российско-американских отношениях неизменность и «замораживание» сотрудничества на неопределенный срок. Такую картину можно сейчас наблюдать. Мирные переговоры по Украине ни к чему не

приводят. Ни Россия, ни США не может повлиять на прекращение боевых действий и на новое Украинское правительство. Подобная же ситуация обстоит с Сирией. Проблема в том, что каждая из сторон пытается развить свое геополитическое влияние в мире и масштабно показать свою военную мощь. США подрывает российско-китайское партнерство, и борется за Среднюю Азию. Несмотря на это, существует сотрудничество по ядерному сдерживанию и противостояние международному терроризму. Обе державы работают по контролю вооружения.

Сильные стороны сценария:

1. Дает время для переговоров и выработки нового плана сотрудничества.

2. Отрывает новые связи для сотрудничества.

3. Внутреннее развитие и программа импорта замещения.

Слабые стороны сценария:

1. Безрезультатность МИД России и Гос. департамента США.

2. Закрывание многих проектов, так и не сумевших приспособиться к новым условиям сотрудничества.

3. Не решение глобальных проблем

Сценарий 3. Негативный. Российско-американские отношения будут ухудшаться. Д. Трамп, после вступления в должность президента США, изменит свою политическую программу и начнет активно отстаивать интересы США, не считаясь с другими странами в частности с Россией. Модель предполагает окончательное свертыwanie политики «Перезагрузки». Возвращение к конфронтации и периоду холодной войны. Модернизация ракетно-ядерных потенциалов и развитие комплексов ПРО. Двухсторонне введение новых санкций в отношении друг друга. Окончание полного сотрудничества во всех сферах. Данная ситуация может привести, к открытому военному соперничеству в конфликтных регионах. Россия и США являются ядерными державами и это единственное что сдерживает эти государства от войны в таком сценарии. Но противостоять скрытно и

незаметно вполне реально. Восстановление военных баз вблизи границ США и России также возможно. Провокационные действия в отношении друг друга и разжигание нестабильности как внутри страны, так и соседних государствах.

Сильные стороны сценария:

1. Решение вопросов силой.
2. Новые связи и поиск союзников.
3. Поиск новых технических преимуществ перед противником.

Слабые стороны сценария:

1. Угроза военного конфликта.
2. Начало гонки вооружения, возврат к холодной войне.
3. Разделение мира на два полюса, возврат к двуполярной системе международных отношений.

Возможность развития данных сценариев доказывает мнение экспертов в российско-американских отношениях. Валерий Гарбузов, заместитель директора Института США и Канады РАН утверждает: Россия и США вряд ли будут стратегическими партнерами в урегулировании украинского кризиса. Гарбузов придерживается негативного сценария и предполагает дальнейший совместный обмен санкционными пакетами.

Владимир Барановский, заместитель директора ИМЭМО РАН, академик РАН, член РСМД считает иначе. А именно, что кризисная ситуация в отношениях наоборот придет к улучшению и развитию отношений. Любой кризис имеет положительную сторону, в том смысле что дает толчок для мобилизации и быстрого решения проблемы. Эксперт считает высокую вероятность развития положительного сценария.

5. Вывод.

Сегодняшняя ситуация на мировой арене говорит о том, что российско-американские отношения останутся без изменений, несмотря на высказывания авторитетных источников, большинство специалистов придерживается мнения не изменчивости отношений на ближайшие 7 лет.

Огромное значение на отношения между Москвой и Вашингтоном сыграют выборы в России. Как будет развиваться эти связи с США новый российский президент и будет ли их развивать вообще, сказать очень трудно.

США имеет огромное желание получить рычаги давления и максимально подчинить Россию. Пока только получается подорвать экономику и внешнеполитическое влияние на мировой арене.

И Россия, и США наблюдают за реакцией других держав, в поисках поддержки своей программы развития мира.

Расхождения позиций России и США проявились, прежде всего, в тех сферах, где, казалось бы, интересы сторон совпадали: борьба с международным терроризмом и распространением оружием массового уничтожения. Оказалось, что терроризм – это слишком расплывчатая угроза, которая не выполняет главной роли, как общие враги в прежнюю эпоху, например, Германия в двух мировых войнах.

В целом Россия начала проводить и более активную политику на международной арене. Вновь развернулось геополитическое соперничество, хотя его ареной стали, а независимые государства на территории бывшего СССР и другие регионы. Москва крайне резко отреагировала на «оранжевые революции» в ряде стран СНГ и усиление американского военного присутствия в Закавказье и Средней Азии, воспринимая их как попытки США вытеснить Россию из постсоветского пространства. Еще более жесткую позицию Россия заняла по вопросам ПРО и дальнейшего расширения НАТО.

Фактически российско-американское сотрудничество сегодня носит ограниченный характер, но никто с уверенностью не может сказать о дальнейшей судьбе отношений. Может быть, будет предложена новая «перезагрузка». Также решение конфликтов, которое предлагает Трамп, лежит в большей степени в экономической сфере. Он говорит, что Украине надо помогать – но не оружием и военной техникой, а экономически: дать возможность восстановить экономику и как-то вывести все на мирное

решение. Потому что у Трампа одним из основных внешнеполитических векторов в сфере безопасности будут направлены на восток т.е. это Китай. США и Китай сейчас будут бороться за влияние на Россию.

Заключение

Россия и США пытаются друг друга вытеснить уже более 60 лет. Но с определёнными волнообразными скачками напряженности и периодом затишья. Соперничество в определенные периоды было на грани войны, а были и периоды сотрудничества и партнёрства.

С 1991 года Россия и США пытались построить новые отношения, но то одна сторона меняла свой курс по отношению к другому государству, то возникали спорные вопросы, которые брали свои корни из далекого прошлого.

Помимо сотрудничества в крупных проектах, так же и существуют проблемы. Россия не согласна с позицией вмешательства США во внутреннюю политику других государств. Страны не могут решить вопросы по странам Ближнего востока и Украине, расширению НАТО на Восток, размещение системы ПРО в Европе и протесты России в ООН.

В процессе взаимодействия национальных интересов России и США носит самый разнообразный характер. Векторы государств могут совпадать, расходиться, иметь единый курс или похожий. Результатом отношений может

быть войны, а могут и союзнические взаимодействия в борьбе против общего врага. Новый мировой порядок не был установлен. Даже наоборот скорее еще больше внесло неясности в мировые отношения.

Учитывая нынешнюю конфронтационную природу российско-американских отношений, единодушие политической элиты, Конгресса и истеблишмента США в необходимости сдерживания России и создания условий для смены в ней в перспективе политического режима и фундаментального разворота её внешней политики обратно к прозападному курсу, можно подвести итог, что отношения между Россией и США могут стать партнерскими, если будут забыты прошлые неудачные попытки и противостояния.

Для руководства нашей страны по международным отношениям стоит помнить, что работа на американском направлении должна преследовать две главные задачи. Первая – это минимизация, а в идеале предотвращение, ещё большего ухудшения российско-американских отношений с новой администрацией в США. Вторая – это формирование повестки дня отношений двух стран на ближайшие годы. Нынешние действия США громко напомнили о том, что отношения двух стран не просто переживают кризис, а находятся в состоянии системной конфронтации, по мнению ряда экспертов – новой холодной войны.

Главный факт, от которого никуда не уйти, – это превращение мира из биполярной системы в многополярное образование. Но многополярность отнюдь не означает большую устойчивость. Чем больше игроков действуют на глобальной или региональных аренах, тем менее устойчивой и предсказуемой становится система международных отношений в целом. И к этому надо быть готовым.

Никто не мог предсказать, что между РФ и Турцией и Египтом возникнут напряженность и конфликты. Так же, как и серию «цветных революций» в Африке и на Евразийском континенте. Общее поправка политического поля в Европейском союзе в виде Brexit. Следует помнить о

напряженности отношений с Белоруссией, которая является союзным государством России.

Причем большинство из названных конфликтных ситуаций так и не были разрешены. Они или «заморожены», или же оказались в подвешенном состоянии, т.е. вошли в фазу бесконечных переговоров без окончательных решений.

Проанализировав источники, научную и учебную литературу, можно сделать следующие выводы:

1. Были изучены особенности российско-американских отношений в период с 1991 по 2001 гг.

2. Дана характеристика особенностей внешней политики России и США

3. Рассмотрены проблемы сотрудничества России и США с 1991 - 2001 гг.

4. Проанализировано развитие российско-американский отношений 2001-2015 гг.

5. Выявлены проблемы взаимодействия России и США в 2001 - 2015 гг.

6. Описаны перспективы развития сотрудничества США и России до 2023 г.

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи выполнены.

Список использованных источников литературы

1. Биниконский Л. Б. Проблема взаимопонимания России и США и российский лоббизм // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. №1 <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-vzaimoponimaniya-rossii-i-ssha-i-rossiyskiy-lobbizm> (дата обращения: 07.12.2016).
2. Мария Бондаренко Специалист РБК по международной политике URL: <http://www.rbc.ru/society/19/03/2017/58cde8f49a794717c2202ef4> (дата обращения: 20.04.2017)
3. [Сергей Гунеев](#) Журналист РИА новости. URL: <https://ria.ru/world/20160905/1476064273.html> (дата обращения 25.12.2016)
4. Bush G. W. The national security strategy of the United States of America. – Executive Office of the President Washington Dc, 2002. С. 75-110.
5. Deibert RJ, Rohozinski R., Crete-Nishihata M. Cyclones in cyberspace: Information shaping and denial in the 2008. Russia–Georgia war //Security Dialogue, С. 34.
6. Gates R.M. A Balanced Strategy. Reprogramming the Pentagon for a New Age // Foreign Affairs, 2009. January/February, С. 76.
7. Hildreth S. A. Long-range ballistic missile defense in Europe. – DIANE Publishing, 2010. С. 87.

8. LaFeber W. America, Russia, and the Cold War, 1945-2006. McGraw-Hill, 2008. 434 с.
9. Mearsheimer J. J. Why the Ukraine crisis is the West's fault: the liberal delusions that provoked Putin //Foreign Aff. – 2014. – Т. 93. – С. 77.
10. Russell J. Chechnya-Russia's' war on Terror'. – Routledge, 2007. С. 56.
11. Schädler S. DerArabischeFrühling und das PotenzialzurDemokratie der arabischenStaatenimNahenOsten und Nordafrika. – diplom. de, 2017. С. 78.
12. The 2000 Democratic National Platform: Prosperity, Progress and Peace. National Democratic Party Convention. – Los Angeles, August 14-18, 2000; America 2000. С. 98.
13. Waltz K. N. Structural realism after the Cold War International security. 2000. 541 с.
14. Аббасбейли А. и др. Политика. Внешняя политика. Международные отношения. Дипломатия //Москва. – 2016. – №. 21. – 319 с.
15. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы //М.: Международные отношения. – 1998. – Т. 12. С. 245.
16. Виноградова С. М., Мельник Г. С., Панцеров К. А. Медиаориентированный подход в подготовке специалистов по связям с общественностью в сфере международных отношений //Медиаобразование. – 2017. – №. 1. С. 89.
17. Войтоловский Ф. Г. Российско-американские отношения в контексте украинского кризиса: тенденции и перспективы //Пути к миру и безопасности. – 2015. – №. 1. – С. 48.
18. Гарусова Л. Н. Российско-американские отношения и феномен антиамериканизма в постсоветской России //Россия и АТР. – 2010. С. 43.
19. Грачев С. И., Харламов А. А. Сирия как детерминанта геополитической ориентации и экономических интересов //Общество: политика, экономика, право. – 2017. – №. 3. – С. 27-30.

20. Гриневский О. А. Перелом: от Брежнева к Горбачеву. – ОЛМА Медиа Групп, 2004. С. 63.
21. Громыко Ал. А. Геополитика сегодня и завтра. У России пока нет ясной концепции национальных интересов //Независимая газета. – 1996, 19 сентября. 169 Глава III.
22. Данилов Д. А. Противоракетная оборона США и безопасность Европы //Современная Европа. – 2007. – №. 4. – С. 85-99.
23. Дегоев В. В. Чеченская война прежде и теперь //Дружба народов. – 2000. – №. 1. – С. 164-165.
24. Ефимов Н. Н. Красная империя: взлет и падение: военная политика СССР, 1917-1991. Рейтар, 2006. 379 с.
25. Задонский С. М. Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения. – Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002. С. 324.
26. Зевелев И. Россия и США в начале нового века: анархия–мать партнерства //ProetContra. – 2002. С. 34.
27. Иванов С. М. Вооружённые конфликты в Сирии и Ираке. Перспективы их разрешения //Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. – 2017. – №. 3. – С. 14-24.
28. Коновалов В.Н. Политология. Словарь. – М: РГУ. В.Н. Коновалов. 2010. С. 91.
29. Кремнев П. П. Распад СССР: международно-правовые проблемы. – Зерцало-М, 2005. С 75.
30. Крутаков Л. Другой мир // Коммерсантъ-власть. 2014. № 44. С. 28–32.
31. Кэмп-Дэвидская декларация Президента Буша и Президента Ельцина о новых отношениях // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. Хрестоматия в 4-х тт./Составитель Т.А.Шаклеина. Т.IV. – М., 2002. С. 47.

32. Макаров Д. В. США и Россия. Новая парадигма неправительственной дипломатии. Российско-американские отношения с точки зрения гражданского общества. М., 2006. С. 232.
33. Малашенко А. В., Тренин Д. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. – Гендальф, 2002. С. 32.
34. Матвиенко Е. А., Васильчук Е. О., Морозов И. Л. Особенности институционально-правового обеспечения противодействия экстремизму в Украине // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 3. С. 117–122.
35. Морозов И. Л. Безопасность политических коммуникаций в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1. С. 127–131.
36. Ознобищев С. К. Новый мир и отношения Россия-НАТО //Полис: Политические исследования. – 2011. – №. 3. – С. 50-57.
37. Патрушев Н. П. Особенности современных вызовов и угроз национальной безопасности России //Журнал российского права. – 2007. С.127.
38. Петрович-Белкин О. Основные направления невоенной деятельности НАТО в 1991-2011 г: дис. – Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Москва, 2011. С. 52.
39. Подцероб А. Б. Барак Обама и политика США на Ближнем Востоке [Электронный ресурс] //Институт ближнего Востока. – 2015. С. 98.
40. Попова Е. И. Американский сенат и внешняя политика 1969-1974. Наука, 1978. 212 с.
41. Путин В. В. Россия и меняющийся мир //Московские новости. – 2012. – Т. 27. – №. 02. С 3.
42. Рудалев А. Обыкновенная война //Москва. – 2006. – №. 4. – С. 200-210.

43. Рябков С. В. целом год получился очень пестрым // Международная жизнь. 2014 № 1. С. 4–17.
44. Соловьев Э. Г. Ограничения партнёрства и пределы взаимопонимания в российско-американских отношениях XXI века //Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. – №. 1. – С. 121-127.
45. Старкин С., Рыжов И. Стратегический «разворот» США в Азии: эволюция подходов // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 10. С. 49–56.
46. Стент А. Почему Америка и Россия не слышат друг друга?: Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений. – Манн, Иванов и Фербер, 2014. С. 49.
47. Тренин Д. В. Третий возраст: российско-американские отношения на пороге XXI века //ProetContra. – 2000. – Т. 5. – №. 2. – С. 7-19.
48. Троицкий М., Чарап С. М. Российско-американские отношения на постсоветском пространстве //Доклады Рабочей группы по будущему российско-американских отношений. – 2011. – №. 1. – С. 46.
49. Федосова М. П. Особенности российско-американских внешнеполитических отношений в XXI в //Общество: политика, экономика, право. – 2015. – №. 2.
50. Филимонов Г. Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2013. С. 11–12.
51. Фокин Е. И. Российско-американские отношения. – 2014. С. 29.
52. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке //М: акт: акт Москва: хранитель. – 2006. – Т. 220. – №. 4, 1992 г. С. 71.
53. Халилова А. С., Лебедев В. С. Исламский фактор в политических конфликтах на Северном Кавказе: Дагестан и Чечня в 1991-1999 гг. //Теория и практика общественного развития. – 2015. – №. 12. С. 67.

54. Шаклеина Т. А. Хартия российско-американского партнёрства и дружбы // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. Хрестоматия в 4-х тт./ Т.IV. –М., 2002. С. 21.

55. Шаклеина Т. Д. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссия в политико-академических сообществах России и США (1991 - 2002) М., ИСКРАН, 2002. С. 84.

Приложения

Приложение 1

Рис. 1. Президенты России и США Владимир Путин и Дж. Буш млд. на встрече в Словении, 2001 г..

Приложение 2

Рис. 2. Фото во время телефонного разговора Д. Трампа и В.В Путина 28 января 2017

Приложение 3

Поражающие факторы взрыва мощностью 15000 кт (от наименьшего к наибольшему по расстоянию от эпицентра):

- Радиус огненной вспышки: 1.42 км / 0.88 миль
Максимальный размер ядерной вспышки; отношение к живым объектам зависит от высоты детонации.
- Радиус распространения радиации: 5.22 км / 3.24 миль
500 бэр / 5 зивертов доза облучения; смертность от острых проявлений в пределах от 50% до 90%; момент наступления смерти находится в пределах между одним часом и несколькими неделями.
- Радиус ударной волны: 6.69 км / 4.16 миль
давление 20 psi; крепкие сооружения разрушены или сильно повреждены; летальность в этой зоне поражения достигает 100%.
- Радиус ударной волны: 17.65 км / 10.97 миль
давление 4.6 psi; большинство строений разрушены; широкий спектр повреждений, множество погибших.
- Радиус светового поражения: 35.4 км / 22 миль
Ожоги третьей степени незащищенным участкам кожи; возгорание воспламеняемых материалов; при достаточной мощности взрыва образуется огненный шторм.

Рис. 3. Моделирование удара по Москве ядерной бомбы «Кастл Браво»